182 127

182 — 127.

182 127

СИБИРСКІЕ АРХІЕПИСКОПЫ

МАКАРІЙ, НЕКТАРІЙ, ГЕРАСИМЪ

(1625 г.—1650 г.)

490

Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета

П. Н. Бушинскаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1891.

182/127

СИБИРСКІЕ АРХІЕПИСКОПЫ

МАКАРІЙ, НЕКТАРІЙ, ГЕРАСИМЪ

(1625 г.—1650 г.)

Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета

П. Н. Буцинскаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія
1891.

2 экз.

901721 М

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Мая 1891 года.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ».

Сибирскіе архіепископы: Макарій, Нектарій, Гераеимъ

(1625 г.—1650 г.).

Вторымъ сибирскимъ архіепископомъ былъ Макарій. Онъ происходилъ изъ дворянъ Кучиныхъ и до полученія архіепископской каѳедры былъ игуменомъ въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ [1]). Объ игуменской его дѣятельности мы не имѣемъ свѣдѣній и потому ничего не можемъ сказать о томъ, чѣмъ руководились царь Михаилъ и патріархъ Филаретъ, поручая ему управленіе сибирской епархіей, еще мало устроенной и нуждающейся въ пастырѣ твердомъ и энергичномъ. Судя же по его десятилѣтней дѣятельности въ Сибири, можно сказать, что выборъ сдѣланъ не вполнѣ удачно: онъ ни чѣмъ не напоминалъ своего предшественника Кипріана.

Посвященный въ санъ архіепископа 19 дек. 1624 г., Макарій скоро отправился въ далекое путешествіе и прибылъ въ Тобольскъ 1 апр. слѣдующаго года [2]).

Онъ сначала остановился въ мужскомъ знаменскомъ монастырѣ, находившемся въ подгорной части Тобольска, а на слѣдующій день имѣлъ торжественный входъ въ самый городъ. Въ старину шествіе на гору сибирскихъ преосвященныхъ сопровождалось особой церемоніей, заведенной, какъ думаетъ прот. А. Сулоцкій, именно вторымъ сибирскимъ архіеп. Макаріемъ. На сколько это мнѣніе вѣрно—трудно судить; мы

---

[1]) *Древн. Росс. Вивл. ч. III, стр. 143.*

[2]) А. М. Ю. Ден. Ст. № 11 801 л. 306 смотр. отписку Макарія.

знаемъ, что и архіеп. Кипріана московское правительство приказывало воеводамъ встрѣчать самымъ торжественнымъ образомъ. Но несомнѣнно, что какъ Макарій, такъ и всѣ послѣдующіе архіепископы, прибывъ къ Тобольску, останавливались сначала въ знаменскомъ монастырѣ и непремѣнно на другой день, если не мѣшали какія нибудь случайныя обстоятельства, торжественно входили на гору, въ городъ; такой обычай существовалъ около 200 лѣтъ, и первый архіепископъ, отказавшійся отъ него, былъ Амвросій I (1806 г.). Упомянутый пр. Сулоцкій въ своей статьѣ «Встрѣча въ старину архіереевъ въ Тобольскѣ» такъ описываетъ эту церемонію. «Въ назначенный день и часъ начинается въ соборѣ благовѣстъ въ большой колоколъ; туда собиралось все городское духовенство и, по облаченіи, со крестами и хоругвями, шло въ знаменскій монастырь. По приходѣ его, владыка входилъ въ монастырскую церковь, облачался иногда въ полное, а чаще въ малое облаченіе, принималъ пастырскій жезлъ, выходилъ изъ церкви и, осѣнивъ собравшійся на монастырской оградѣ народъ, начиналъ шествіе на гору совершенно походившее на самый торжественный крестный ходъ: на колокольняхъ соборной, монастырской и всѣхъ градскихъ церквей звонили во всѣ колокола, пѣвчіе пѣли приличныя случаю священныя пѣсни, священники шли попарно, младшіе впередъ, дьяконы съ кадилами, впереди ихъ несли кресты и хоругви; предъ процессіей и позади процессіи шелъ и по сторонамъ толпился народъ всѣхъ званій и возрастовъ и обоихъ половъ; многіе изъ народа старались принять отъ архипастыря благословеніе и облобызать его десницу. Поднявшись на гору, нѣкоторые изъ преосвященныхъ на площади передъ соборомъ служили благодарственный молебенъ, и затѣмъ уже вступали въ соборъ и тамъ слушали литургію, говорили вступительное въ управленіе епархіей слово, а по окончаніи служенія, со славою провожаемы были въ архіерейскій домъ [1]).

Второму архіепископу не было уже нужды много заботиться о хозяйственныхъ дѣлахъ дома Софіи Прем. Бож.; онъ пріѣхалъ уже на готовое гнѣздо; его предшественникъ

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. кн. III, стр. 55.

Кипріанъ оставилъ ему вполнѣ устроенное хозяйство и, можно даже сказать, богатое. Въ 1625 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ приказалъ Тобольскимъ воеводамъ переписать въ Тобольскѣ въ соборной церкви С. Пр. Б. всякое церковное строеніе, и колокола, и на архіепископскомъ дворѣ въ хоромахъ образы, въ казнѣ деньги, и судки оловянные и мѣдные, погребные и поваренные, и всякое домовое строеніе, въ житницахъ хлѣбные всякіе запасы, и на конюшенномъ дворѣ всякую животину и въ тобольскомъ и въ тюменскомъ уѣздахъ Софійскія домовыя села и деревни и пр. [1]) Изъ этихъ переписныхъ книгъ, дошедшихъ до насъ, оказывается, что софійскій домъ въ Тобольскѣ, благодаря заботамъ Кипріана, былъ полной чашей всякаго добра: въ изобиліи домовая, кухонная и погребная утварь, домашнее бѣлье, конюшенная сбруя, всякая одежда и пр. Большинство изъ этихъ предметовъ жалованы Кипріану царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и патріархомъ Филаретомъ. Такъ въ переписныхъ книгахъ значится «государской дачи»: разные судки, мисы, блюда, сковороды, котлы, скатерти, мантіи, рясы, шапки и пр.; дачи патріарха Филарета 2 мантіи, каптырь песцовый опушенный бобромъ, ковшъ обложенный серебромъ, дачи инокини Марфы—шуба соболья. Кромѣ того и самъ Кипріанъ дѣлалъ «софійскою казной» мантіи, ряски, шапки и пр. Часть изъ этого добра Кипріанъ взялъ съ собой при отъѣздѣ въ Москву, а остальное доставалось его пріемнику. Далѣе Макарій унаслѣдовалъ двѣ слободы и нѣсколько деревень съ громаднымъ количествомъ земли и съ 68 крестьянами, 133 «кабальныхъ записей въ деньгахъ и хлѣбѣ, по которымъ нужно было взыскать довольно крупную по тому времени денежную сумму 1405 р. и болѣе 300 ч. хлѣба. Житницы софійскаго дома не были пусты: въ однихъ тобольскихъ житницахъ къ пріѣду Макарія находилось до 1200 ч. разнаго хлѣба, а сколько его было еще въ слободахъ и деревняхъ? [2]).

---

[1]) Р. И. Б. т. 8, стр. 385.

[2]) Напр. крестьянами Тавдинской слободы въ 1624 г. собрано до 900 копенъ разнаго хлѣба, пятая часть этого сбора шла въ архіеп. домъ. А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 7; Матеріалы для исторіи города Тобольска Найденова.

Словомъ пріемникъ Кипріана могъ жить вполнѣ прилично. Но самъ второй сибирскій архіепископъ далеко не былъ такимъ хозяиномъ, какъ его предшественникъ. Хотя онъ пробылъ на каѳедрѣ болѣе десяти лѣтъ, но хозяйство софійскаго дома при немъ не особенно расширилось, какъ можно было ожидать. Ему уже не было надобности увеличивать поземельную собственность, которой и безъ того было слишкомъ много, а всѣ его хозяйственныя заботы должны были клониться къ усиленію рабочихъ рукъ въ софійскомъ хозяйствѣ. Между тѣмъ при немъ четыре деревни, основанныя Кипріаномъ, совершенно запустѣли и крестьяне разбрелись. Макарій успѣлъ основать только одну деревню на «старой Сибири», да и то только съ однимъ крестьянскимъ дворомъ. Въ Тавдинской слободѣ при немъ прибавилось два крестьянина, но Усть-Ницынская слобода обязана этому архіепископу увеличеніемъ своихъ жителей на 32 человѣка. Кромѣ того, Макарій пріобрѣлъ въ домъ Софіи Пр. Б. оброчныхъ крестьянъ въ Тюмени 16 и 17 въ Тобольскѣ; да при немъ въ Софійскій домъ заложилось 14 посадскихъ людей 6 въ Туринскѣ и 8 въ Тобольскѣ [1]). Эти пріобрѣтенія за 10 лѣтъ должны казаться ничтожными, если взять во вниманіе тѣ средства для расширенія архіепископскаго хозяйства, которыя оставилъ Макарію Кипріанъ. Старые слуги послѣдняго даже возмущались не вниманіемъ новаго архіепископа къ хозяйству софійскаго дома и жаловались на это царю. Такъ казначей Савватій въ своей челобитной объ отпускѣ изъ Сибири пишетъ: «волочился я нищій въ софійскомъ дому во всякихъ службахъ при Кипріанѣ архіепископѣ и при Макарьѣ; а нынѣ я не мощенъ и въ службахъ волочиться не могу, и *видя неправду и неустроеніе въ дому софійскомъ, что все идетъ не прибыли*» [2]). Эта челобитня была уважена и Савватій получилъ отпускъ въ Москву. Въ то же самое время—именно въ іюнѣ 1626 г., послана царю и патріарху жалоба на Макарія отъ боярскихъ дѣтей, служившихъ Кипріану «Будучи въ Сибири, писали они, у вашего государ-

---

[1]) См. мое изслѣд. «Заселеніе Сибири» стр. 125.

[2]) Р. И. Б. т. 8, л. 348.

скаго богомольца, у архіепископа Кипріана, ваше государское хлѣбное и денежное жалованье получали все сполна, кромѣ его придачъ, и всякую нужду и скорбь съ нимъ терпѣли вмѣстѣ, пашни раздирали и огороды и хоромы ставили своею силою, а вашего государскаго повелѣнія ни въ чемъ не ослушались, и мятежа будучи у Соф. Пр. Б., никакого не поднимали, а какъ пріѣхалъ въ Сибирь архіепископъ Макарій, то началъ дѣлать намъ притѣсненія, налоги и насилія, хлѣбнаго и денежнаго жалованія съ самаго своего пріѣзда и по сіе время намъ холопамъ вашимъ не давалъ и впредь давать не хочетъ, а голодомъ и наготою насъ моритъ и говоритъ намъ: ни одинъ де мнѣ человѣкъ не нуженъ, которые при архіепископѣ Кипріанѣ изъ Москвы пришли, я де привезъ своихъ людей; и тѣмъ, государи, людямъ даетъ денежное и хлѣбное жалованье, которое намъ указано по вашему государскому окладному списку, а насилія и гоненія архіепископа Макарія надъ нами извѣстны всякихъ чиновъ людямъ въ Тобольскѣ и во всей Сибири. А бывшій, государи, казначей Герасимъ предъ поѣздкою въ Москву, отмѣрилъ архіепископу Макарію хлѣба 1905 ч. на лицо, кромѣ нашей пахаты и работы. А съ той земли, которую мы раздирали при арх. Кипріанѣ, обмолотили въ 1625 г. болѣе 2 т. ч. разнаго хлѣба и въ житницы всыпали и тому хлѣбу у него трата великая. Пашня, которую при Кипріанѣ раздирали своими людьми, вся заложена и впредь пахать не хочетъ же. А сколько крестьянъ и отъ крестьянъ хлѣба и сколько въ казнѣ денегъ, и лошадей и рогатаго... и то все въ отписную книгу не написано и вамъ великимъ государемъ не показано, ради своей корысти. А что, государи, денегъ нашелъ въ казнѣ и тѣ деньги не всѣ записаны и казначея Савватія заставилъ посильно руку приложить, что будто послѣ арх. Кипріана нашелъ денегъ только 30 р.» [1]). Эта челобитная выставляетъ новаго сибирскаго архіепископа не только плохимъ хозяиномъ, но и жестокимъ человѣкомъ и даже корыстолюбивымъ, что онъ, не радѣя объ архіепископскомъ хозяйствѣ, въ то же время преслѣдуетъ свои

[1]) Р. И. Б. т. 8, лл. 345—346.

личные матеріальные интересы и притомъ въ ущербъ хозяйству софійскаго дома. Но Макарія нельзя назвать корыстолюбивымъ: между другими сибирскими архіепископами онъ рѣзко выдѣлялся, между прочимъ, тѣмъ, что не любилъ докучать царю просительными челобитными; въ то время какъ другіе ежегодно, а иногда въ годъ по нѣскольку разъ писали слезныя прошенія царю,—то объ увеличеніи денежнаго и хлѣбнаго жалованія, то объ увеличеніи поземельной собственности софійскаго дома, отъ Макарія мы не встрѣтили ни одной подобной челобитной. Совершенно справедливо, что этотъ архіепископъ не былъ такимъ хозяиномъ, какъ его предшественникъ Кипріанъ, но боярскимъ дѣтямъ нечего было скорбѣть объ этомъ: они получали за свою службу опредѣленное жалованье и лично нисколько не были заинтересованы въ успѣхахъ софійскаго хозяйства. А если боярскія дѣти жаловались на Макарія, то настоящая причина этихъ жалобъ лежала совсѣмъ въ другомъ; на нее указываетъ также челобитная боярскихъ дѣтей: Макарій привезъ въ Тобольскъ своихъ слугъ и пожелалъ отдѣлаться отъ тѣхъ, которые служили его предшественнику. Такъ онъ старца Савватія лишилъ должности казначея, старца Герасима должности эконома при софійскомъ домѣ, назначивъ на ихъ мѣста старцевъ, привезенныхъ имъ изъ Руси, а боярскимъ дѣтямъ пересталъ давать денежное и хлѣбное жалованье и тѣмъ принудилъ ихъ проситься на иную службу [1]).

---

[1]) Совершенно ложно боярскія дѣти обвиняютъ Макарія въ неправильномъ составленіи переписанныхъ книгъ; перепись производилась особыми дозорщиками по выбору воеводъ и архіепископъ на это дѣло не имѣлъ никакого вліянія. Такъ перепись софійскаго имущества въ самомъ Тобольскѣ по назначенію воеводы Ю. Сулешова съ товарищами производилъ письменный голова Гр. Зловидовъ и подъячій С. Полутовъ; въ тавдинской слободѣ по назначенію преемниковъ Сулешева производили перепись боярскія дѣти Павлоцкій и Лутовиновъ, а въ Усть-Ницынской слободѣ боярскій сынъ Толбузинъ. Одинъ экземпляръ этихъ переписныхъ книгъ воеводы послали въ Москву, и другой вручили самому Макарію. Что же касается наличныхъ денегъ въ Софійской казнѣ, оставшихся послѣ Кипріана, то документы вполнѣ оправдываютъ показаніе Макарія, что оныхъ было къ его пріѣзду только 36 р. Самъ казначей Савватій въ своей жалобѣ на Макарія ничего не говоритъ о томъ, что будто-бы этотъ архіепископъ насильно заставилъ его приложить руку къ отчету, какъ утверждаютъ въ своей челобитной боярскія дѣти. А «роспись расходовъ денежной казны дома С. Пр. Б. старца Савватія казначея»,

II.

Чтоже сказать объ архіепископской дѣятельности втораго сибирскаго архіепископа? Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ довольно скудный, чтобы обстоятельно можно было отвѣтить на этотъ вопросъ; но тѣмъ не менѣе мы постараемся сгруппировать здѣсь тѣ данныя о его дѣятельности, которыя намъ удалось найти въ архивѣ. Макарій прибылъ въ Тобольскъ даже безъ наказа, которымъ онъ долженъ былъ руководиться при управленіи своей епархіей; таковый ему присланъ только въ іюнѣ 1625 года. Наказъ предписывалъ ему вѣдать не только церковныя дѣла въ Сибири, но имѣть высшій надзоръ и за дѣлами гражданскими: кругъ его обязанностей столь-же обширенъ, какъ и перваго сибирскаго архіепископа Кипріана [1]).

дошедшая до насъ, свидѣтельствуетъ, что дѣйствительно въ Софійской казнѣ Макарій нашелъ наличныхъ денегъ только 35 р. 23 а. Въ этой росписи Савватій пишетъ, что онъ получилъ 1624 г. мая 7 дня на разные расходы 303 р. 26 а. 4 д., изъ этихъ денегъ онъ выдалъ по окладу годовое денежное жалованье протопопу съ братіей, дворовымъ и приказнымъ людямъ; уплатилъ годовымъ работникамъ, нанятымъ въ софійской домъ съ перваго Воскресенья послѣ великаго дня 1624 г. по тоже Воскресенье 1625 г. 29 р. 28 а. 4 д., нанялъ дровосѣковъ 15 челов. на день по 2 а. человѣку; купилъ кобылицу буланую за 4 р. 13 а. 2 д.; коня вороного за 4 р. 25 а., купилъ лошадь въ кабалу соф. паш. крестьянину за 4 р.; нанялъ на сѣнокосъ 20 человѣкъ ярыжныхъ на три недѣли за 27 р. и пр. Если сложить всѣ расходы, упоминаемые въ этой росписи и вычесть изъ денежной суммы полученной Савватіемъ, то дѣйствительно въ остаткѣ получится только 35 р. 23 а. см. А. М. Ю. Денеж. ст. д. № 11801 108.

[1]) Изъ наказовъ, данныхъ московскимъ правительствомъ сибирскимъ архіепископамъ, кажется, только наказъ Макарію дошелъ до насъ; а потому въ виду особенной важности этого документа, мы считаемъ нужнымъ напечатать его здѣсь буквально: «Лѣта 7133 февр. 8 д. по государеву, цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи указу и по благословенію великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и всея Русіи, память архіепископу Макарію Сибирскому и Тобольскому. Какъ же дастъ Богъ пріѣдетъ въ первый сибирскій городъ на Верхотурье, и ему велѣти себя за городомъ встрѣтить со кресты въ томъ же мѣстѣ, гдѣ была встрѣча первому архіепископу Кипріану, и итти въ соборную церковь, и пѣти молебны, и молити Бога о многолѣтномъ здоровіи великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича, и отца его государева, великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго всея Русіи, и матери его великой государыни инокини Марѳы Ивановны и сохраненіи града до того дни. У соборные церкви архіепископу Макарію и обѣдня служить. А какъ съ Верхотурья пойдетъ въ Тобольскъ, и пройдетъ въ Туринскій острогъ, а изъ Туринскаго острогу въ городъ Тюмень и ему потомужъ въ тѣхъ городѣхъ велѣти себя за городомъ встрѣтить со кресты въ тѣхъ же мѣ-

Но положеніе Макарія было несравненно лучше, чѣмъ его предшественника и въ нравственномъ отношеніи: тогдашнимъ тобольскимъ воеводой былъ Ю. Сулешовъ, который здраво понималъ свои воеводскія обязанности, съ уваженіемъ относился

стахъ, гдѣ была встрѣча прежнему архіепископу Кипріану и, вшедъ въ соборную церковь, пѣти молебны, и въ тѣ дни, какъ придетъ, въ соборныхъ церквахъ и обѣдни служити потомужъ, какъ на Верхотурьѣ. А какъ придетъ въ Тобольскъ, и ему потомужъ велѣти себя встрѣтить со кресты за градомъ всему народу тутъ же, какъ была встрѣча прежде архіеп. Кипріану и, пришедъ во градъ, и итти въ соборную церковь и пѣти молебны съ звономъ, и молити Бога о многолѣтномъ здоровьѣ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, и отца его государя, великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи, и матери его великаго государя, инокини Марѳы Ивановны и вода святить, и обѣдня служить и, будучи, архимадритовъ и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и діаконовъ поучати во благочиніи и пребывати по божественнымъ правиламъ также, и народъ весь поучати, чтобы жили въ исправленіи закона христіанскаго по заповѣдямъ Божіимъ и св. Апостоловъ и св. отецъ; и архимандритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и діаконовъ, и чтецовъ и весь причтъ церковный судити во всякихъ духовныхъ дѣлахъ, а боярину и воеводамъ, князю Д. Тим. Трубецкому съ товарищи, въ то не вступатися; также и мірскихъ людей во всякихъ духовныхъ дѣлахъ судити и исправляти по божественнымъ канонамъ, а боярину и воеводамъ и дьякамъ у него въ то потомужъ не вступатися. А которые татарове похотятъ креститца своею волею, а не изъ неволи, и ему, архіепископу, тѣхъ татаръ велѣти крестити, и лучшихъ держать у себя во архіепискушѣ и поучать всему крестьянскому закону, и покоити ихъ, какъ мочно, а иныхъ раздавати крестить въ монастырь. А какъ новокрещенные изъ подъ начала выйдутъ, и архіепископу ихъ звати къ себѣ ѣсти по часту и ихъ покоити. А которые татарове учнутъ къ нему челомъ ударити приходити, и тѣхъ потомужъ велѣти кормити и поити, какъ мочно, и говорить съ ними кротостію, и приводити ихъ ко крестьянскому закону, разговаривати съ ними тихо, со умиленіемъ, а жесточью съ ними не говорить. А которыхъ татаръ учнутъ крестить и тѣхъ надобе платье перемѣнить новое и о томъ посылати ему, архіепископу, къ боярину воеводамъ и къ дьячкамъ. А будетъ, учнуть ко крещенію приходить многіе люди, и архіепископу о томъ писать ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу и святѣйшему патріарху Филарету Никитичу и ихъ государевъ указъ, чѣмъ ихъ пожаловати, о томъ къ нему будетъ тотчасъ. А который татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ нему, архіепископу, отъ опалы, отъ каковы не будетъ, опричь измѣны, и похочетъ креститись, и ему тѣхъ татаръ пріимати и держати у себя бережно, и о томъ писати ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи и къ отцу ево . . . . Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи; подлинно, кто отъ каковы вины прибѣжить, а до ихъ государ. указу тѣхъ не крестить; а того татарина боярину и воеводамъ и дьякамъ до указу никого не отдавати. А котораго татарина въ каковѣ винѣ, опричь большія измѣны, велятъ бояринъ и воеводы и дьяки казнить, а придутъ объ немъ къ архіепископу иные татарове бити челомъ о печалованье, и архіепископу тѣхъ посылати опрашивать, и по совѣту боярина и во-

къ архіепископскому сану и сознавалъ, что только при согласной дѣятельности духовной и свѣтской властей и возможно будетъ поднять нравственное состояніе распущеннаго сибирскаго населенія и устроить общественный порядокъ въ этой «далекой

еводъ и дьяковъ имати тѣхъ людей за себя, хоть и будетъ и креститца не похотятъ, и ихъ къ тому не волею не нудить; а на смерть ихъ боярину и воеводамъ и дьякамъ не выдавать, а держати ихъ у себя архіепископу въ крѣпости до государева указу, да о томъ писати къ государю царю Михаилу Ѳеодоровичу и святѣйшему патріарху Филарету Никитичу всея Русіи. Да держати архіепископу съ бояриномъ и воеводами и дьяки совѣтъ о великихъ государевыхъ дѣлахъ, опричь кровныхъ и убійственныхъ дѣлъ. А на которыхъ татаръ у нихъ будетъ опала не великая, а похотятъ которыхъ острастить казнію, а до казни не дойдетъ, и онибъ, бояринъ и воеводы и дьяки о тѣхъ сказывали ему, архіепископу, а ему отъ нихъ тѣхъ отъ вины отпрашивати, хотя будетъ, о комъ и челобитья не будетъ. И всякими обычаи, какъ возможно, такъ архіепископу татаръ къ себѣ пріучати, и приводити ихъ ко крещенію съ любовію, а страхомъ и жесточью ко крещенію никакъ не приводити. А услышитъ архіепископъ какое безчинство въ сибирскихъ людѣхъ въ дѣтяхъ боярскихъ и въ посадскихъ во всякихъ людѣхъ, или въ самихъ боринѣ и воеводахъ и въ дьякахъ какое безчинство къ закону христіанскому увидитъ, и архіепископу ихъ о томъ поучати со умиленіемъ, а не учнутъ слушати, и архіепископу имъ говорити съ запрещеніемъ, а не уймутца за его поученіе и запрещеніе, и архіепископу тогда писати о тѣхъ ихъ безчинствахъ ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи и ко отцу его государя, великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи въ Москвѣ. А о которыхъ будетъ о государевыхъ и всякихъ думныхъ дѣлахъ учнутъ съ нимъ, архіепископомъ, бояринъ и воеводы и дьяки совѣтовати и архіепископу о томъ съ ними совѣтовати, и мысль своя имъ во всякіе дѣла давати, опричь убійственныхъ и кровавыхъ всякихъ дѣлъ, а тои боярскіе и воеводскіе мысли ни какъ ни съ кѣмъ не говорити, а боярину и воеводамъ князю Д. Тимофѣевичу Труб. съ товарищи, въ государевѣ наказѣ о томъ писаножъ. А о береженьѣ архіепископу, боярину и воеводамъ и дьякамъ говорити по часту, что бы они отъ огня и отъ корчемъ держали береженье великое, и въ ночи жъ дѣти боярскіе и всякіе люди съ огнемъ не сидѣли, и съѣздовъ бы у нихъ ночныхъ корчемнаго питья не было, и въ день бы жили смирно, не бражничали и по городу и въ воротахъ держали потомужъ береженье великое. А увѣдаетъ архіепископъ у боярина и воеводъ и у дьяковъ въ городѣ какое небереженье и людемъ отъ кого насильство и налоги неподѣльно и архіепископу о томъ боярину и воеводамъ и дьякамъ говорити дважды и трижды, чтобъ одиолично они того берегли, и было бъ у нихъ береженье и людямъ насильства и налоги не было; а не послушаетъ бояринъ и воеводы и дьяки архіепископа, а архіепископу о томъ писати ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи и ко ево отцу Филарету Никитовичу . . . . . въ правду, какъ ся—что дѣлаетъ. А подлинной государевъ указъ за приписью дьяка Ив. Грязевъ.

Такову привезъ Верх. сынъ боярскій Андрей Перхуровъ въ 133 г. Іюня въ 17 день см. «Описаніе госуд. архива стар. Дѣлъ». П. Иванова М. 1850 г.; А. М. Ю. Деп. Ст. № 11,801.

вотчинѣ московскаго государя». Онъ не только не возбуждалъ служилыхъ людей противъ архіепископа, какъ это дѣлалъ воевода Годуновъ относительно Капріана, но самъ подавалъ Макарію челобитныя на нихъ [1]). Такія отношенія главнаго сибирскаго воеводы къ архіепископу должны были поднять въ Сибири нравственный авторитетъ послѣдняго и улучшить отношенія другихъ сибирскихъ воеводъ къ представителямъ церковной власти. Вслѣдствіе этого при Макаріи мы не видимъ ни столкновеній этого архіепископа съ воеводами, ни мятежей противъ него служилыхъ людей какъ было при Кипріанѣ. Напротивъ Сибирскіе воеводы даже заискиваютъ архіепископа, стараются заслужить его вниманіе и показать предъ нимъ «свои службы государю». Такъ напр.: верхотурскіе воеводы въ 1627 г. прислали къ Макарію «роспись службъ своихъ и прибылей, какія они учинили государю» съ просьбой довести объ этомъ до свѣдѣнія царя Михаила Ѳедоровича [2]). Сулешова теперь уже не было въ Тобольскѣ, на мѣсто его въ 1626 г. присланъ другой бояринъ, но видно, что здравыя отношенія, установленныя имъ къ архіепископской власти въ Сибири продолжались и при его преемникахъ до самой смерти Макарія; по крайнѣ мѣрѣ мы уже не встрѣчаемъ въ документахъ жалобъ отъ этого архіепископа на вмѣшательства воеводъ въ духовныя дѣла, какъ это было при Кипріанѣ. Впрочемъ и самъ Макарій, какъ человѣкъ спокойный и мало дѣятельный, менѣе подавалъ поводовъ къ столкновеніямъ съ воеводами, чѣмъ его энергичный предшественникъ. Но и второму сибирскому архіепископу приходилось столь же часто жаловаться царю и патріарху то на недостатокъ священниковъ и дьяконовъ въ Сибири, то на распущенность нравовъ въ его епархіи, какъ и Капріану. Русскія владѣнія въ Сибири годъ отъ году все болѣе и болѣе развивались, населеніе увеличивалось, основывались по разнымъ мѣстамъ новые острожки и слободы, въ нихъ строились церкви, а въ священнослужителяхъ чувствовался прежній недостатокъ. Вмѣ-

---

[1]) Р. И. Б. т. 8 л. 329.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Столб. № 5 л. 71.

стѣ съ архіепископомъ Кипріаномъ получили отпускъ изъ Сибири и нѣсколько священниковъ, а новыхъ московское правительство не присылало и замѣнить выбывшихъ было совсѣмъ не кѣмъ. Такъ, что, когда Макарій прибылъ въ Тобольскъ, то оказалось, что даже въ этомъ городѣ нѣкоторыя церкви не имѣли священниковъ и оставались, по тогдашнему выраженію, «безъ пѣнія». И вотъ новый архіепископъ въ первыхъ же грамотахъ къ царю и патріарху бьетъ челомъ «о попахъ для многихъ церквей» [1]). Правительству трудно было удовлетворить подобныя челобитныя—что видно уже изъ того, что онѣ повторялись почти ежегодно. На Руси мало было охотниковъ поповъ ѣхать въ Сибирь, а изъ тѣхъ, которые посылались «по указу» одинъ убѣжитъ неизвѣстно куда, другой вслѣдствіе особеннаго ходатайства въ Москвѣ скоро получитъ отпускъ, а иной священникъ такъ «заворуетъ», что его несмотря на крайній недостатокъ въ духовенствѣ, приходилось или на цѣлые мѣсяцы сажать въ тюрьму на цѣпь, или совсѣмъ лишать священническаго сана; немногіе изъ этихъ присыльныхъ были истинными служителями церкви. Между тѣмъ изъ городовъ, и монастырей шлютъ Макарію челобитныя о бѣлыхъ и черныхъ попахъ и дьяконахъ. Даже въ тобольскомъ знаменскомъ монастырѣ сравнительно богатомъ, чувствовался недостатокъ съ священнослужителяхъ: такъ въ 1625 г. игуменъ этого монастыря просилъ другаго чернаго попа, а въ дѣвичій Успенскій—бѣлаго попа, дьячка и пономаря [2]). Изъ Монгазеи въ 1629 г. писали, что тамошніе жители построили храмъ во имя Усп. Пр. Б., а святить оный не кѣмъ—нѣтъ дьякона, а храмъ уже три года стоитъ безъ пѣнія [3]).

Въ 1634 г. архіепископъ Макарій послалъ слѣдующую грамоту къ царю Михаилу Ѳедоровичу: «Въ прошломъ, государь, и въ нынѣшнемъ году пишутъ ко мнѣ, богомольцу твоему государеву, изъ городовъ и остроговъ твои государевы воеводы о бѣлыхъ попахъ—что въ городахъ и острогахъ черными и

---

[1]) А. М. Ю. Денеж. Ст. л. 313. См. гр. Макарія въ 1625 г.
[3]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 13 л. 165.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 16 л. 250.

бѣлыми попами скудно; которые де черные и бѣлые попы были и тѣ судомъ Божимъ померли. А мнѣ богомольцу твоему, изъ Тобольска въ городъ и остроги посылать не кого: въ знаменскомъ монастырѣ одинъ черный попъ, а въ ружныхъ храмахъ только по одному бѣлому. А иные, государь, попы по твоему государеву указу взяты изъ Тобольска и изъ другихъ городовъ въ Москву, а иные попы померли, *а вновь, государь, изъ мірскихъ людей въ попы никто не ставится и въ твоихъ государевыхъ городахъ и острогахъ многіе люди помираютъ безъ покаянія и безъ причастія*». Въ заключеніи челобитной Макарій проситъ прислать бѣлыхъ и черныхъ поповъ—въ Тюмень и Верхотурье по 2 попа, въ Енесейскъ, Туруханскій острогъ, Березовъ, Сургутъ и въ Табаринскую слободу по одному попу. Эта просьба сибирскаго архіепископа заставила московское правительство серьезно заняться вопросомъ о священнослужителяхъ для Сибири, чтобы удовлеторить религіозныя нужды тамошняго населенія. Но такъ какъ охотниковъ было мало, а посылать «по указу» было не надежно, то правительство рѣшилось прибѣгнуть къ тому же средству, которое оно практиковало при наборѣ въ Сибирь служилыхъ людей и крестьянъ, именно возложить на духовное сословіе извѣстной эпархіи въ видѣ повинности приборъ изъ своей среды священниковъ и дьяконовъ и отправку ихъ въ Сибирь. Получивъ же упомянутую челобитную Макарія, Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ архіепископу вологодскому и великопермскому Варлааму «прибрать» въ его архіепископіи въ Тобольскъ и другіе сибирскіе города архимандрита протопопа, пять черныхъ поповъ и 10 или 12 бѣлыхъ, а если «излишекъ будетъ и ихъ всѣхъ отпустить въ Сибирь, потому что въ Сибирь поповъ надобно много». При этомъ предписывалось выбирать черныхъ и бѣлыхъ поповъ «людей добрыхъ, крѣпкожительныхъ, духовныхъ учителей, которые были бы по преданію и по правиламъ святыхъ апостоловъ и свят. отцовъ, а не бражниковъ и изъ иноземцевъ въ числѣ ихъ никого отнюдь не было бы» ... Но прошло довольно времени, а отъ Варлаама не приходило въ Москву никакого извѣстія объ этомъ дѣлѣ. Тогда послана была новая подтвердительная грамота, чтобы онъ поспѣшилъ прибо-

ромъ и при этомъ дѣлался выговоръ за нерадѣніе. Но вологодскій архіепископъ былъ не виноватъ: не смотря на то, что «посадскіе и волостные попы учинили межъ себя дать подмогу по 30 и 40 рублей тѣмъ попамъ, которые согласятся ѣхать въ Сибирь но многіе попы для такого дальняго проѣзду разбѣжались, не желая оставлять своихъ домовъ». Узнавъ объ этомъ, государь указалъ Варлааму объявить: «кто въ Сибирь выбраны будутъ, тѣмъ будетъ на подъемъ жалованье изъ нашей казны, подможныхъ денегъ на платье и на харчи архимандриту 40 руб. протопопу 35 руб., чернымъ и бѣлымъ попамъ по 30 руб. человѣку, да кромѣ того казенный кормъ въ дорогѣ и казенныя подводы имъ и подъ ихъ женъ, дѣтей и работниковъ...» Эта казенная «подмога» однако не исключала той, которую обѣщали дать посадскіе и волостные попы бѣлымъ попамъ, а монастыри чернымъ попамъ. Такъ, что эти переселенцы въ Сибирь получили подъемныхъ денегъ довольно большую по тому времени сумму, а въ Сибири обѣщана имъ «руга» денежное и хлѣбное жалованье по окладу. Только послѣ этого вызвались нѣсколько лицъ изъ бѣлаго духовенства отправиться въ дальнюю государеву вотчину. Изъ списка этихъ переселенцовъ видно, что въ вологодской епархіи прибраны архимандритъ, протопопъ, 5 бѣлыхъ поповъ и 3 черныхъ. Съ бѣлыми попами ѣхали ихъ жены и дѣти, разные свойственники и работники, съ архимандритомъ—келейники да четыре человѣка людей, съ черными попами ихъ братья, племянники и нѣсколько людей—всѣхъ переселенцовъ отправлялось въ Сибирь 60 человѣкъ. Кромѣ того въ самой Москвѣ «написались своею волею ѣхать въ Сибирь черныхъ 2 попа, да бѣлыхъ поповъ 6» [1]). Относительно послѣднихъ поповъ замѣтимъ слѣдующее. Хотя они вызвались ѣхать въ Сибирь «своею волею», однако, въ виду бывшихъ случаевъ бѣгства, правительство не особенно довѣряло имъ и взяло съ нихъ поручныя записи въ томъ, что они съ дороги въ Сибирь не убѣгутъ и прибудутъ въ Тобольскъ, а если кто, читаемъ въ такой записи, въ Тобольскъ не станетъ, то пеня—что укажетъ

[1]) Р. И. Б. т. 11 № 164.

государь и государевы подъемныя деньги на тѣхъ, которые изъ поручниковъ будутъ на лицо [1]). На этотъ разъ всѣ 17 поповъ и архимандритъ Герасимъ благополучно прибыли въ Тобольскъ и немедленно получили соотвѣтственныя назначенія. Такъ архимандритъ Герасимъ назначенъ въ Тобольскій мужской монастырь на мѣсто умершаго въ 1635 г. арх. Тарасія, а съ нимъ и черные попы Нафанаилъ и Герасимъ, черный попъ Меркурій—въ Тобольскій женскій монастырь, черный попъ Питиримъ и бѣлые попы Стефанъ и Аѳанасій—въ Березовъ, бѣлый попъ Иванъ—въ Мангазею, бѣлый попъ Аввакумъ—въ Сургутъ, бѣлый попъ Ермолай—въ Табаринскую слободу, бѣлый попъ Семіонъ—въ село Каменное, бѣлый попъ—въ Чубарову слободу, бѣлый попъ Ипатій—въ Томскъ, бѣлый попъ Кирилъ—въ Красноярскъ, бѣлый попъ Кирьякъ—въ Кетскій острогъ и пр. [2]) Заботясь объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей

---

[1]) Вотъ двѣ такихъ поручныхъ записей, которыя мы нашли въ Сибирскомъ приказѣ. 1) Се язъ Ѳиларетъ чорной попъ да язъ попъ Григорей Кириловъ да язъ Макарей Кириловъ вдовой попъ да язъ Семіонъ Савинъ попъ ручались мы приказу большаго дворца сотнику Ивану Кругликову дружка по дружкѣ въ томъ что дано намъ государева жалованья на подъемъ по 30 р. человѣку и стати намъ въ Сибири въ Тобольскомъ городѣ з женами и з дѣтьми а будетъ хто изъ насъ ѣдучи въ Сибирь з дороги збѣжитъ и хто изъ насъ въ Тобольску не станетъ и на насъ по сей записи пеня государева М. Ѳ. и государева подъемныя деньги а пеня намъ что государь укажетъ а все мы за одинъ человѣкъ кои изъ насъ будетъ въ лицахъ на томъ государева пеня и государева подъемные деньги а на то послуси Харитонъ Ивановъ а записи писалъ Микиѳорко Романовъ лѣта 7143 г. 2) Се язъ чорной попъ Ѳиларетъ да язъ попъ Григорей Кириловъ да язъ вдовой попъ Макарій Кириловъ да язъ попъ Семенъ Савинъ всѣ мы сибирскіе попы поручилися есми приказу большаго дворца приставу Ивану Кругликову *по Иванѣ попѣ* Павловѣ сынѣ да по Аввакумѣ попѣ Григорьевѣ въ томъ что имъ попомъ за нашею порукою ѣхать въ государеву вотчину въ Сибирь и стати имъ за нашею порукою въ городѣ въ Тобольскѣ взяли они попы за нашею порукою на подъема по 30 р. денегъ а буде они попы попъ Иванъ да Аввакумъ за нашею порукою въ государевой вотчинѣ въ Сибири въ городѣ Тобольскѣ не станутъ и на насъ порутчикахъ пеня государя М. Ѳ. а пеня что государь укажетъ и наши порутчиковы головы въ ихъ голову мѣсто и тѣ государевы подъемные деньги а кой изъ насъ порутчиковъ будетъ въ лицахъ и на томъ государева пеня и порука и тѣ государевы подъемные деньги а на то послухъ Сергѣй Мелентьевъ а запись писалъ Ѳетка Андрѣевъ лѣта 7143 года. А. М. Ю. Пр. Сиб. Ст. № 165 л. 17.

[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 165, л. 81, см. «Роспись новоприсыльнымъ въ 1635 г. московскимъ и вологодскимъ попамъ, кто въ которой церкви по росписи арх. Макарія».

своей паствы, Макарію приходилось еще бороться съ ея нравственною распущенностію и нельзя сказать, что его десятилѣтняя пастырская дѣятельность имѣла вліяніе на улучшеніе нравовъ сибирскаго населенія. Да и невозможно было ожидать этого улучшенія, когда Сибирь годъ отъ году все болѣе и болѣе наполнялась разными преступниками—ворами и разбойниками, людьми совершенно испорченными въ нравственномъ отношеніи. А тутъ еще соблазнительная жизнь ссыльныхъ иностранцевъ—лютеранъ и мѣстнаго языческаго и магометанскаго населенія. Примѣры соблазнительны и особенно для мало образованнаго человѣка и если сибирскіе архіепископы жалуются, что многіе сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, имѣютъ по двѣ и по три жены и т. п., то развѣ въ этихъ порокахъ не сказывается постороннее вліяніе? И Макарій въ своихъ отпискахъ царю дѣлаетъ самые рѣзкіе отзывы о жизни сибирскаго населенія и преимущественно служилаго. «Въ Тобольскѣ, государь, жалуется этотъ архіепископъ въ 1627 г., казачьи дѣти матерей своихъ бьютъ и давятъ; а иные козаки на Руси женъ своихъ пометали, а въ Сибири поимаютъ иныхъ женъ; а у иныхъ козаковъ въ Сибири на томъ городѣ жена, а на другомъ другая, а иные, государь, козаки велятъ женамъ своимъ блудъ дѣлать съ чужими мужьями, а иные поѣдучи на твою государеву службу оставляютъ женъ своихъ на блудъ инымъ козакамъ и гулящимъ людямъ и отъ такого, государь, ихъ блуднаго, пребеззаконаго содомскаго житья быть невозможно». Въ той же отпискѣ Макарія мы находимъ и примѣръ крайней нравственной распущенности: подьячій Агафонъ хотя и женатъ «въ мірѣ многихъ дѣвицъ, вдовицъ и замужнихъ женъ обезчестилъ и опозорилъ насильствомъ своимъ, да еще, воруетъ съ мужескимъ поломъ» [1]). Сибирскіе монастыри также не представляютъ отраднаго явленія и на монаховъ жалуется второй сибирскій архіепископъ. Тобольскій мужской монастырь, который находился на глазахъ архіепископа, да и тотъ велъ соблазнительную жизнь. Сообщая въ 1634 г. царю

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 13 лл. 153 и 163. См. отписку Макарія въ 1627 г. (листы перепутаны начало на 153 л., а продолженіе на 163 л.).

Михаилу Ѳедоровичу о смерти архимандрита этого монастыря Тарасія, Макарій пишетъ, что между мѣстными старцами нѣтъ ни одного, который былъ бы достоинъ занять это мѣсто и проситъ прислать архимандрита изъ Москвы. «Я приказалъ вѣдать монастырь старцу Аркадію и черному попу Гелактіону, замѣчаетъ онъ, но чернецы не слушаются ихъ, бѣгаютъ изъ монастыря, бродятъ по дворамъ и за монастыремъ ночуютъ» [1]). И не слѣдуетъ предполагать, что будто умершій архимандритъ былъ человѣкомъ достойнымъ званія и что поэтому на его мѣсто нужно особенно благочестиваго старца! Мы знаемъ, что этотъ Тарасій участвовалъ въ смутахъ противъ архіепископа Кипріана, а монахи Тобольскаго знаменскаго монастыря въ 1627 г. жаловались на него Макарію, что онъ вмѣстѣ съ казначеями корыстуется монастырскими деньгами и запасами и просили счесть ихъ по книгамъ. И обвиненіе въ кражѣ денегъ оказалось справедливымъ: недочету было болѣе 40 рублей [2]). Если такъ вели себя монахи тобольскаго монастыря, то о монахахъ другихъ монастырей и говорить нечего. Напр.: жители Мангазеи и Туруханскаго зимовья въ 1634 г. жаловались царю и патріарху на чернеца Ефрема, обвиняя послѣдняго въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ. Этотъ чернецъ между прочимъ прославился кляузами и ябедничествомъ на столько, что его боялись вездѣ, гдѣ онъ только не появлялся. Изъ Березова чернеца Ефрема прислали въ Мангазею въ Троицкій монастырь, но воевода тамошній «блюдясь отъ него дѣловыхъ рѣчей» отправилъ его въ Тураханское Зимовье. Здѣсь начальникъ зимовья «блюдясь ябедничества» Ефрема вошелъ съ нимъ въ дружбу и велѣлъ старостѣ церковному выстроить ему на церковныя деньги келью за 25 р., давать ему хлѣбъ, деньги на платье, дрова и соль; въ два года на Ефрема вышло церковныхъ денегъ болѣе 145 р. «А та церковная казна, писали челобитчики, собирается нами сиротами на церковное украшеніе... Да онъ же старецъ Ефремъ угрожаетъ многимъ изъ нашей братіи торговымъ и промышленнымъ людямъ, всякимъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 165, лл. 5—8.

[2]) Ibid. ст. № 13, л. 149.

бездѣльнымъ ябедничествомъ и бездѣльнымъ поклепомъ... И въ 1633 г. тотъ старецъ купилъ якутскаго парня—въ крещеніи Христофора и того парня билъ и жегъ огнемъ и мучилъ безмѣрными муками, приказывая ему наговаривать на нашу братію кражи и духовныя дѣла. Да въ нынѣшнемъ 1634 году генваря 19 жегъ этого парня огнемъ и убилъ до смерти. А въ 1633 г. когда мы промышляли на Енисеѣ рыбу и съ нами была женка, а у ней сынъ Терешка и тотъ Терешка утопъ, то старецъ сталъ называть утонувшаго своимъ племянникомъ и подалъ въ съѣзжую избу жалобу въ 49 р. на промышленнаго человѣка Ивашку Тарутина и приставу память писалъ своею рукою» А такъ какъ въ то время всякая кляуза стоила отвѣтчику не только многихъ хлопотъ, но и денегъ, какъ бы она ни была безсмысленна, то Ивашка Тарутинъ, чтобы подешевле отдѣлаться отъ претензій упомянутаго старца, вошелъ съ нимъ въ сдѣлку и уплатилъ 5 р. И на много другихъ преступленій старца Ефрема указываетъ челобитная жителей Мангезеи и Туруханскаго зимовья [1]). Первый сибирскій архіеп. Кипріанъ много заботился о поднятіи нравственнаго уровня сибирскихъ монаховъ, но толку отъ этого было мало: и при Макаріи монахи сибирскихъ монастырей вели себя не лучше! И этотъ архіепископъ, подобно Кипріану, въ началѣ своей пастырской дѣятельности въ Сибири хотѣлъ ввести болѣе строгія правила въ монастырскую жизнь, смѣнялъ слабыхъ архимандритовъ и игуменовъ и замѣнялъ ихъ людьми болѣе нравственными и строгими. Но что изъ этого выходило? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ 1625 году Макарій, получивъ свѣдѣнія о распущенности монаховъ Томскаго Успенскаго монастыря, смѣнилъ тамошняго игумена Евстрата и назначилъ на его мѣсто Ѳеодосія, приказавъ послѣднему построже относиться къ монастырской жизни и съ разборомъ принимать въ монастырь монаховъ и вкладчиковъ. А слѣдствіемъ этого распоряженія было то, что вся братія и монастырскіе дворовые

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 656.

люди разбѣжались и монастырь запустѣлъ [1]). Трудно было архіепископамъ бороться съ распущенностію сибирскихъ монастырей, когда послѣдніе наполнялись разными ссыльными монахами, иногда людьми совершенно испорченными. Въ 1632 году игуменъ соловецкаго монастыря жаловался царю и патріарху на двухъ своихъ монаховъ «что одинъ чернецъ новокрещенецъ полякъ живетъ въ монастырѣ самовольствомъ, безчинство и воровство чинитъ многое, а унять его монастырскимъ смиреніемъ невозможно; а другой чернецъ въ иноческій чинъ постриженъ, а до постриженія въ православную вѣру нигдѣ не крещенъ». По этой жалобѣ государь и патріархъ указали: сослать монаховъ въ сибирскіе монастыри—перваго въ тобольскій Знаменскій монастырь, а второго въ Никольскій верхотурскій и устроить ихъ царскимъ жалованьемъ, какъ и прочую братію [2]). Въ 1625 г. Макарій получилъ слѣдующую грамоту отъ Михаила Ѳедоровича. «Былъ въ Нижнемъ Новгородѣ чернецъ Павелъ Коровкинъ и нижегородскихъ посадскихъ людей своимъ воровствомъ и ябедничествомъ продавалъ напрасно и затѣи на многихъ людей возводилъ напрасно же. А когда онъ былъ въ міру, то на многихъ посадскихъ людей балахонскаго уѣзда подавалъ напрасные иски для своей бездѣльной корысти... и за воровство много разъ былъ пытанъ, и битъ кнутомъ... Послѣ того онъ жилъ въ чернецахъ въ Москвѣ и на многихъ людей клепалъ воровствомъ и продавалъ напрасно и за воровство посланъ въ Горицкій монастырь, но изъ монастыря ушелъ въ балахонскій уѣздъ и тамъ дѣлалъ смуту... А теперь онъ посылается въ Тобольскъ къ тебѣ архіепископу и ты послалъ бы его въ монастырь, въ какой пригоже и велѣлъ держать его подъ началомъ и быть ему въ службѣ, въ которой пригодится [3]). И подобныя ссылки были нерѣдкостію: въ 1627 г. въ одинъ Тобольскій монастырь прислано восемь старцевъ—колодниковъ. Если взять во вниманіе, что въ 1627 г. въ этомъ монастырѣ было 30 человѣкъ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. ч. LXXXI, стр. 25 см. «Матеріалы для исторіи христ. просвѣщенія Сибири».

[2]) Р. И. Б. т. 11 № 153.

[3]) А. М. Ю. Ден. Ст. № 11801, л. 225.

монашествующей братіи, то смѣло можно утверждать, что половина этихъ монаховъ состояла изъ ссыльныхъ, часть изъ тѣхъ служилыхъ людей, «которые увѣчные и старые и государской службы служить не могутъ» и которыхъ воеводы велятъ постригать въ монахи «для смертнаго часу» и только, можетъ быть, немногіе поступили въ этотъ монастырь по призванію къ монашеской жизни [1]). А судя по нѣкоторымъ даннымъ тоже самое можно сказать и о другихъ сибирскихъ монастыряхъ. Эти ссыльные вносили нравственный развратъ въ сибирскіе монастыри и отъ него невозможно было избавиться до тѣхъ поръ, пока практиковалась ссылка. Если монастыри Европейской Руси не въ состояніи были исправить такихъ испорченныхъ натуръ, какъ вышеупомянутый чернецъ Павелъ Коровкинъ, то что же могли сдѣлать съ нимъ монастыри сибирскіе?! И въ ссылкѣ они продолжали быть тѣмъ же, чѣмъ были прежде: «чинили всякое воровство и устраивали разныя смуты». Не лучше монастырскихъ старцевъ вели себя и старцы софійскаго дома, т. е. архіепископскіе и на нихъ не разъ приходилось Макарію писать жалобы царю и патріарху. Такъ въ 1627 г. Макарій жаловался на своего келейнаго старца Семіона, который, укравъ архіепископскую печать, приложилъ оную къ отпустной граматѣ, чтобы возвратиться на Русь. А про старца Корнила Макарій писалъ: «Обыгралъ онъ зернію работныхъ людей и за такое воровство я посадилъ его въ тюрьму на цѣпь, но Корнилъ изломалъ цѣпь, подкопался подъ стѣну и ночью убѣжалъ со двора въ деревню приказнаго человѣка Максима Трубчанинова. Здѣсь онъ жилъ подъ овиномъ четыре дни и въ это время подговорилъ Максимовыхъ служащихъ женокъ бѣжать съ собою; но Максимъ объ этомъ узналъ, поймалъ Корнила и посадилъ на ночь въ житницу и тотъ старецъ ѣлъ въ житницѣ мясо и сыры, а дѣлалось то, государь, въ Оспожинъ постъ... [2]). А въ 1635 г. Тобольскій воевода доносилъ Михаилу Ѳедоровичу: «Софійскіе соборяне и дворовые люди, будучи въ Москвѣ, били челомъ

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 13, л. 164.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. 13, лл. 153—152.

государю о жалованьѣ на 1634 г. и имъ выдали; но они уже получили оное въ Тобольскѣ, а потому воевода попа Илью посадилъ въ тюрьму на недѣлю, дворовыхъ людей и въ числѣ ихъ сына боярскаго М. Трубчанинова велѣлъ бить батогами, «чтобъ впередъ на то смотря неповадно было инымъ такъ воровать государское жалованье вдвое» [1]). Мы выше упоминали о жалобахъ втораго Сибирскаго архіепископа на распространеніе многоженства среди сибирскихъ служилыхъ людей, а изъ документовъ оказывается, что эти жалобы были вполнѣ справедливы. Хотя въ Сибири и чувствовался недостатокъ въ женщинахъ, но служилые люди умѣли обходить этотъ недостатокъ и заводили себѣ по двѣ и по три жены: одни находили ихъ на Руси, другіе крестили плѣнныхъ инородокъ и женились на нихъ, а иные отнимали женъ у пашенныхъ крестьянъ. Сибирь была такъ велика, что скрыть многоженство было очень легко. Изъ Тобольска ежегодно воеводы посылали по 50 человѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ, напримѣръ: въ Мангазею и въ Туруханское зимовье на годовую службу. Нѣкоторые изъ этихъ служилыхъ людей были женаты, оставляли своихъ женъ въ Тобольскѣ, а на мѣстѣ новой службы выбирали себѣ русскую женщину или крещенную инородку и женились на ней. Священнику трудно было узнать женатаго ли онъ вѣнчаетъ, или холостого человѣка; для этого онъ въ то время почти не имѣлъ никакихъ средствъ. Неразъ, впрочемъ, случалось, что священники сибирскіе и завѣдомо вѣнчали женатыхъ служилыхъ людей, то будучи къ тому принуждаемы, то подкуплены. Такъ въ 1626 г. архіеп. Макарій доносилъ царю, что Енисейскій бѣлый попъ Кириллъ обвѣнчалъ ночью подьячаго Максима Перфирьева съ женою Поздѣя Ѳирсова, а у подьячаго еще жива жена и живетъ въ Верхотурьѣ. Когда же дѣло это открылось и назначено было слѣдствіе, то на допросѣ священникъ объявилъ, что онъ обвѣнчалъ Максима Перфирьева по велѣнію Енисейскаго воеводы Андрея Ошанина «боясь его Ондреева убойства». Андрей Ошанинъ показывалъ, что онъ не виновенъ въ этомъ дѣлѣ, а

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 656.

попъ Кириллъ самъ былъ сватомъ и безъ всякаго принужденія съ его стороны обвѣнчалъ Максима за 10 р. денегъ и 10 ч. хлѣба [1]). И случаи женитьбы сибирскихъ служилыхъ людей отъ живой жены—нерѣдкость. Въ 1628 г. тотъ же архіепископъ писалъ царю: «казаки, выѣхавъ изъ сибирскихъ городовъ за Верхотурскій волокъ, въ городахъ и селахъ женятся, а женясь тутъ женъ своихъ бросаютъ и, пріѣхавъ въ Москву, женятся на иныхъ женахъ, а иные у мужей женъ уводятъ... И привезши, государь, въ сибирскіе города тѣхъ своихъ женъ продаютъ своей же братіи, а иные, государь, ихъ жены пріѣзжаютъ въ Сибирь послѣ, а они—мужья ихъ—на другихъ поженились»... [2]). Если сибирскіе служилые люди имѣли возможность жениться по нѣсколько разъ и торговать своими женами, за то сибирское крестьянство въ высшей степени бѣдствовало отъ недостатка женщинъ. Н. Н. Оглоблинъ въ своей статьѣ «Женскій вопросъ въ Сибири въ XVII в.» приводитъ интересныя челобитныя отъ Енисейскихъ пашенныхъ крестьянъ. Въ 1627 г. крестьянинъ Ивашка Семеновъ отъ имени двадцати товарищей билъ челомъ государю: «Всѣ мы люди одинокіе и холостые... какъ, государь, съ твоей государевой пашни придетъ—хлѣбы печемъ и яству варимъ, и толчемъ и мелемъ сами, отдыху нѣтъ ни на малъ часъ! А какъ бы, государь, у насъ сиротъ твоихъ женишки были и мы бы хотя избной работы не знали... Имъ обѣщали прислать изъ Тобольска гулящихъ женокъ, но и до сихъ поръ не присылаютъ—жениться не на комъ, а безъ женишекъ, государь, намъ быть никакъ не возможно...» Въ заключеніе челобитной крестьяне взываютъ къ милосердію государя: «смилуйся! пожалуй насъ сиротъ твоихъ бѣдныхъ... вели намъ прислать изъ Тобольска гулящихъ женокъ, на комъ жениться». Михаилъ Ѳедоровичъ смиловался и приказалъ Тобольскимъ воеводамъ изъ Тобольска и другихъ сибирскихъ городовъ послать

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 16, лл. 370—373.

[2]) «Женскій вопросъ въ Сибири въ XVII в.», Н. Оглоблина въ Истор. Вѣст. 1890 г. № 7.

въ енисейскій острогъ для пашенныхъ крестьянъ женокъ гулящихъ, свободныхъ вдовъ и дѣвокъ. Но исполнять подобныя приказанія, оказалось, очень трудно: свободныхъ женщинъ не нашли въ Сибири и крестьяне енисейскіе по прежнему оставались безъ женъ. Черезъ три года они послали новую челобитную и опять съ тѣмъ же отчаяннымъ припѣвомъ: «мы люди, государь, одинокіе—женъ и дѣтей у насъ нѣтъ... сами мелемъ, печемъ и варимъ, а въ кою пору бываетъ на твоей государевой службѣ въ издѣльѣ или гоньбѣ и въ ту пору дворишки наши пусты стоятъ... смилуйся, пожалуй и т. д. [1]). Московское правительство, всегда относившееся съ особеннымъ вниманіемъ къ нуждамъ сибирскихъ крестьянъ, разными мѣрами старалось помочь горю послѣднихъ: то приказывало воеводамъ отбирать у служилыхъ людей плѣнныхъ калмычекъ, татарокъ, вогулокъ и другихъ сибирскихъ инородокъ, крестить ихъ и выдавать замужъ за русскихъ людей, то пересылало изъ Руси въ Сибирь съ тою же цѣлію разныхъ гулящихъ женокъ и дѣвокъ. Можетъ быть подъ вліяніемъ челобитныхъ енисейскихъ крестьянъ Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1631 г. велѣлъ воеводѣ Григорію Шестакову прибрать въ разныхъ русскихъ городахъ 150 женокъ и послать ихъ въ Сибирь, но Сибирь еще пугала русскихъ людей и немногіе добровольно бросали родину и пускались «за камень» въ неизвѣстную даль на грамоту царя воевода отвѣчалъ, что онъ могъ прибрать только 5 женокъ [2]). А плѣнныя инородки рѣдко попадали въ руки крестьянъ: ими прежде всего пользовались тѣ, которые захватывали ихъ въ плѣнъ, т. е. служилые люди.

Что же касается распространенія христіанства въ Сибири при Макаріи, то оно шло тѣмъ-же путемъ, какъ и при первомъ Сибирскомъ архіепископѣ: оно принималось отдѣльными лицами мужескаго и женскаго пола и притомъ болѣе по нуждѣ, чѣмъ по убѣжденію. Новаго чего нибудь, кромѣ того, что мы писали объ этомъ предметѣ въ статьѣ «Учрежденіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ» мы не

---

[1]) Ibid. стр. 197—198.

[2]) См. наше изслѣдованіе «Заселеніе Сибири...» стр. 218.

можемъ сказать. Однако здѣсь мы не можемъ не отмѣтить того факта, что второй сибирскій архіепископъ очень строго относился къ дѣлу крещенія инородцевъ: его убѣжденія въ этомъ отношеніи значительно расходились со взглядами правительства, выраженными въ данномъ ему наказѣ. Такъ послѣдній предписывалъ: «а который татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ нему архіепископу отъ опалы, отъ каковы не будетъ, опричь измѣны *и похочетъ креститись*, и ему тѣхъ татаръ пріимати и держати у себя бережно, и о томъ писать къ государю... и къ отцу его св. патріарху... подлинно, кто отъ каковы вины прибѣжитъ, а до ихъ государскаго указу не крестить; а того татарина боярину и воеводамъ и дьякомъ до указу никого не отдавати»... Изъ этого пункта наказа ясно видно, что крещеніе избавляло инородца отъ наказанія за совершенное имъ преступленіе, если только это преступленіе не было измѣною; требовалось одно: чтобы инородецъ самъ выразилъ желаніе принять христіанство, а какіе мотивы побуждали его къ крещенію –до этого правительству не было дѣла. Оно разрѣшило архіепископу крестить всѣхъ желающихъ, хотя бы это желаніе и было вынужденное, напр. уложеніемъ о наказаніяхъ. Но Макарій держался иныхъ убѣжденій. Какъ бы въ отвѣтъ на приведенный пунктъ наказа, онъ въ одной своей отпискѣ къ царю и патріарху, упомянувъ о желаніи одного магомстанина принять крещеніе, вынужденномъ нѣкоторыми угрозами его владѣльца, замѣчаетъ: «а въ правилахъ де апостольскихъ и отеческихъ писано—велѣно принимать во крещеніе вольныхъ людей—чтобъ ни отъ смерти, ни отъ бѣды, ни отъ напасти для того, что приметъ крещеніе и причащеніе, да опять заворовавъ обусурманится» [1]). Можетъ быть подъ вліяніемъ такого же взгляда на крещеніе инородцевъ одинъ сибирскій священникъ во времена Макарія отказывался крестить въ православную вѣру литовцевъ и татаръ.

Въ 1627 г. воевода кузнецкаго острога жаловался царю на тамошняго попа Ивана, что послѣдній не хочетъ крестить литвина Ѳ. Мосальскаго съ товарищами и татарку Тоибику,

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 16, л. 75.

а только, далъ имъ молитву и велѣлъ ходить въ церковь: «у меня де литвѣ и татарамъ крещенья нѣтъ» говорилъ воеводѣ этотъ священникъ. «Да Кузнецкаго острога, писалъ этотъ же воевода, твои государевы юртовскіе татары молодые люди, которые знаютъ русскій языкъ и въ твою государеву службу годятся, хотятъ креститься въ православную вѣру, и ихъ крестить некому» [1]). Трудно допустить, чтобы упомянутый священникъ такъ поступалъ изъ одного своего каприза! Мнѣ кажется, что въ оправданіе его можно привести слѣдующія соображенія. Во первыхъ, относительно крещенія литовцевъ слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о перекрещиваніи христіанъ не православнаго вѣроисповѣданія въ то время не былъ еще вполнѣ опредѣленно рѣшенъ: патріархъ Филаретъ высказывался противъ вторичнаго крещенія. Можетъ быть и кузнецкій священникъ былъ такого же мнѣнія и потому считалъ достаточнымъ однѣхъ положенныхъ молитвъ для католиковъ литовцевъ, желающихъ присоединиться къ православной церкви. Что же касается татаръ, которыхъ тоже священникъ Иванъ отказывался крестить, то не зависило ли это отъ строгости отношеній къ дѣлу крещенія инородцевъ? Въ Сибири нерѣдко случалось, что татары, остяки, вогулы и пр., принявъ крещеніе и причащеніе и получивъ за это государево жалованье, немедленно же измѣняли христіанству или, какъ выражается Макарій, «заворовавъ опять обусурманится». Развѣ эти случаи не должны были заставить сибирскихъ священниковъ строже относиться къ язычникамъ магометанамъ, ищущимъ крещенія?! Но какой смыслъ имѣлъ поступокъ Кузнецкаго священника, который, отказываясь крестить татаръ, въ тоже время даетъ имъ молитвы и разрѣшаетъ ходить въ церковь? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ мы считаемъ нужнымъ сообщить, что намъ не разъ приходилось встрѣчаться съ подобными же дѣйствіями и другихъ сибирскихъ священниковъ. Такъ въ документахъ того времени читаемъ: «крещеный татаринъ», «татаринъ не крещенъ, а молитва дана», «дву дѣвочкамъ (инородкамъ) молитва дана». На основаніи этихъ

[1]) Р. И, Б. т. 8, № XXXIII.

извѣстій, часто повторяющихся въ отпискахъ сибирскихъ воеводъ, не слѣдуетъ ли предположить, что эта молитва, даваемая инородцамъ выразившимъ желаніе креститься, имѣла подготовительное значеніе, вродѣ древняго оглашенія; она давала права такимъ инородцамъ слушать христіанское богослуженіе, подготовлять себя такимъ образомъ къ принятію новой вѣры. И если оглашенный своимъ поведеніемъ доказывалъ искренность своего желанія креститься, то только тогда надъ нимъ совершалось и самое таинство.

Правительство московское запрещаетъ сибирскимъ священникамъ давать инородцамъ молитвы безъ крещенія, называя подобныя дѣйствія священниковъ поруганіемъ православной христіанской вѣры [1]). Но видно, что нѣкоторые священники не раздѣляли этого правительственнаго мнѣнія и имѣли на это основаніе: развѣ не большимъ было поруганіемъ христіанской вѣры, когда инородцы, принявъ крещеніе и причащеніе, чрезъ нѣсколько дней убѣгали въ свои юрты и по прежнему молились своимъ языческимъ кумирамъ?! Въ заключеніе обзора дѣятельности втораго сибирскаго архіепископа упомянемъ еще объ одной грамотѣ къ нему царя Михаила Ѳедоровича присланной въ 1626 г. Эта грамота касается интереснаго предмета—Ризы Господней—и въ виду рѣдкости подобныхъ документовъ мы считаемъ нужнымъ напечатать ее здѣсь цѣликомъ. «Отъ царя Михаила Ѳедоровича въ нашу отчину въ *Сибирь* богомольцу нашему Макарію архіепископу сибирскому и тобольскому: въ прошломъ во 133 г. марта въ 11 де приходилъ посолъ къ намъ и къ отцу нашему Ѳ. Н. из Кизылбашъ отъ великаго государя Аббас-шаха грузинецъ Урсайбѣкъ и правилъ намъ и отцу нашему великому государю патріарху Ѳ. Н. отъ шаха поклонъ, а послѣ поклона посолъ Урсайбѣкъ поднесъ къ отцу нашему Ѳ. Н. ковчегъ золотъ съ каменіемъ слалами и з бырюзами, а молылъ: государь мой Аббасъ Шагово величество прислалъ къ тебѣ великому свѣтителю ковчегъ золотъ съ каменьемъ а въ ней великаго и славнаго Христа срачица и отецъ нашъ великій государь Ѳ. Н. тотъ ковчегъ

---

1) Р. И. Б. т. 8, стр. 558.

принелъ и того жъ дни на своемъ дворѣ отецъ нашъ Ѳ. Н. съ богомольцы нашими съ Кипріаномъ митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ съ Нектаріемъ архіепископомъ грекомъ и съ архимариты и игумены и протопопы того ковчега осматривали и по досмотру въ томъ ковчеге часть нѣкая, а въ длину и поперегъ пяди полотняна кабы красновата походила на мѣли или будетъ отдавныхъ лѣтъ лице измѣнила, а ткана волну и марта въ 18 де отецъ нашъ Ѳ. Н. говорилъ намъ что та святыня что называютъ Христовою срачицею прислана отъ иновѣрного царя Аббасъ шаха и безистиннаго свидѣтельства тое святыни за истину принятъ пристрастно а чтобъ тое святыню свидѣтельствовати чюдесь пѣти молебенъ и ходити съ нею къ болящимъ и полагати на нихъ и просити всещедраго и человѣколюбиваго въ троицы славимаго Бога чтобъ милосердый Богъ тое святыню увѣрилъ яко же вѣсть свѣтая его воля понеже истиннаго свидѣтельства о той святыни нѣсть а не вѣрныхъ слово безъ испытанія во свидѣтельство не пріемлетца и мы и отецъ нашъ Ѳ. Н. уложили отцу нашему Ѳ. Н. и митрополиту и архіепископу и архимаритомъ и игуменомъ и протопопомъ и въ монастырехъ старцомъ приняти постъ и воздвигнути молитву и поститися седмицу чтобъ Господь Богъ о той святыни проявилъ свою святую волю како можемъ учинити о той святыни; и благодатію и человѣколюбіемъ и не изрѣченною милостію Господа Бога Спаса Нашего Іисуса Христа и до совершенія седмицы учало быть исцѣленіе а кому въ который день отъ какіе болѣзни исцѣленіе отъ ризы Господни еже есть хитонъ было и тому роспись подлинная послана къ тебѣ богомольцу нашему съ сею нашею грамотою за печатью отца нашего Ѳ. Н. и тебѣ богомольцу нашему велѣти къ себѣ быти въ соборную церковь воеводамъ нашимъ князю Ондрею Ондреевичу Хованскому да Мирону Ондреевичу Веньяминову да дьякомъ нашимъ Ивану Ѳедорову да Степану Угодцкому и архимаритомъ и игуменомъ и всему священному собору и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и гостемъ и торговымъ людемъ и велѣти въ соборной церкви у Софѣи премудрости слова Божія чести протодьякону на анбоне во услышаніе всѣмъ людемъ нашу грамоту и отца нашего Ѳ. Н. гра-

моту и свитокъ которой тебѣ посланъ за печатью отца нашего Ѳ. Н. а прочетчи грамоты и свитокъ велѣти пѣти молебенъ з звономъ и о всемъ учинити бы тебѣ какъ писано отца нашего въ грамотѣ и свиткѣ которой къ тебѣ посланъ за печатью отца нашего Ѳ. Н. Писанъ на Москвѣ лѣта 7134 г. генваря въ 9 день [1]).

Подобныя грамоты разосланы были по всему русскому государству, а также и въ Сибирь къ архіеп. Макарію. Но свитка, упоминаемаго въ приведенной грамотѣ и содержащаго въ себѣ перечень чудесъ и исцѣленій отъ Ризы Господней, до насъ не сохранилось. Въ грамотѣ тверскаго архіепископа къ игумену Колязинскаго Макарьевскаго монастыря сообщается на основаніи росписи патріарх. Филарета Никитича, что такихъ чудесъ и исцѣленій было съ 23-го марта 1625 года по 24 янв. 1626 г. всего 71 [2]). Впрочемъ объ этихъ чудесахъ и исцѣленіяхъ въ указанное время можно найти подробныя свѣдѣнія въ другомъ документѣ, напечатанномъ въ приложеніяхъ ко второму тому Дворцовыхъ Разрядовъ [3]). Второй Сибирскій архіепископъ и умеръ въ Тобольскѣ. Въ «Запискахъ къ Сибирской Исторіи» о смерти Макарія находимъ слѣдующее извѣстіе: «1635 г. іюля въ 24 день, въ пятокъ, въ 14 дни, въ третьей четверти, представился въ Тобольску преосв. Макарій, архіеп. Сибирскій и Тобольскій; а на своемъ свитетельскомъ престолѣ былъ въ Тобольскѣ 10 лѣтъ и полчетверти мѣсяца и 9 дней... Погребеніе Макарію было Нектаріемъ архіепископомъ въ 1636 г. мая 31 дня [4]). Гробъ его поставленъ въ такъ называемой сѣнной церкви, построенной при Тобольскомъ архіепископскомъ домѣ самимъ Макаріемъ въ 1625 г.

III.

Послѣ смерти Макарія сибирская епархія почти годъ оставалася безъ архипастыря. Царю Михаилу Ѳедоровичу и новому русскому патріарху Іоасафу долго пришлось искать че-

---

[1]) А. М. Ю. Ден. Ст кн. № 11801, лл. 299—303.

[2]) А. А. Э. т. III, № 168.

[3]) Дворц. Разр. т. II, см. съ 788 г. по 822 стр.

[4]) Др. Росс. Вив. ч. III, стр. 153.

ловѣка достойнаго занять Тобольскую архіепископскую каѳедру и только въ слѣдующемъ году выборъ ихъ палъ на игумена Ниловой пустыни Нектарія. Это былъ монахъ по призванію: уроженецъ Осташкова, въ мірѣ Николай, еще 12 лѣтъ поступилъ въ только что основанный въ к. 16 в. монастырь на островѣ Столбенскомъ, гдѣ покоились мощи преподобнаго Нила, перваго подвижника на этомъ островѣ. Постригшись въ монахи подъ именемъ Нектарія, онъ велъ строгую подвижническую жизнь и, вѣроятно, подъ руководствомъ своего собрата монаха Арсенія Глухаго, извѣстнаго справщика церковныхъ книгъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, знавшаго греческій и латинскій языки, риторику и философію, получилъ высшее по тому времени духовное образованіе! Памятникомъ такого образованія служитъ его посланіе, автографъ котораго хранится въ Ниловой пустыни, именно — «Посланіе сибирскаго архіепископа Нектарія», а въ доказательство строгой его монашеской жизни можно указать на то, что онъ самъ никогда не пилъ вина и запретилъ пить другимъ монахамъ: «по заповѣди блаженной памяти строителя Нектарія, бывшаго архіепископа сибирскаго, въ пустынѣ Нила чудотворца Столбенскаго хмельному бъ питью не быть», писалъ митрополитъ Новгородскій Пинтримъ въ Ниловскій Столбенскій монастырь [1]). А будучи въ Сибири, Нектарій просилъ Михаила Ѳедоровича, чтобы тобольскіе воеводы вмѣсто положенныхъ на архіепископскій домъ ста ведеръ водки давали 50 пудовъ меду и государь разрѣшилъ подобную замѣну. Своимъ образованіемъ и подвижническою жизнью Нектарій обратилъ вниманіе: въ 1620 г. 33 лѣтъ отъ роду онъ былъ избранъ въ строители Ниловой пустыни, а Новгородскимъ митрополитомъ удостоенъ сана игумена. Біографъ сибирскихъ архіепископовъ Н. Абрамовъ въ своей статьѣ «Нектарій, третій сибирскій и тобольскій архіепископъ» разсказываетъ слѣдующее: въ 1628 игуменъ Ниловой пустыни Нектарій, по какому то случаю пріѣзжалъ въ Москву, представился царю Михаилу Ѳедоровичу и предсказалалъ послѣднему ро-

---

[1]) А. А. Э. т. IV. № 165.

жденіе его сына, впослѣдствіи царя Алексѣя Михайловича. Съ этого времени царь Михаилъ обратилъ вниманіе на Нилову пустынь и на ея игумена, а когда тобольская каѳедра сдѣлалась свободной, то предложилъ занять ее именно Нектарію. Какъ не лестно было это предложеніе, но Нектарій не охотно разставался съ своею пустынею и только, повинуясь волѣ царя и патріарха, согласился принять архіепископскій санъ и отправиться на тобольскую каѳедру [1]). Послѣ хиротоніи въ архіепископа въ 1636 г. 4 февраля, Нектарій скоро отправился въ Сибирь и перваго апрѣля благополучно прибылъ въ тобольскій Знаменскій монастырь, а на другой день имѣлъ торжественный входъ на гору, въ городъ [2]). Третій сибирскій архіепископъ оказался прекраснымъ хозяиномъ: его заботы о развитіи хозяйства софійскаго дома доходили до стяжательности и были столь настойчивы, что непріятно поражали даже само московское правительство; да и на историка эта страсть къ стяжанію производитъ непріятное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что Нектарій, какъ мы упоминали, отличался строгою подвижническою жизнью. Послѣ смерти Макарія, по распоряженію правительства, боярскимъ сыномъ Веревкинымъ произведена перепись вотчинъ, крестьянъ и вообще движимаго и недвижимаго имущества дома Софіи Премудрости Божіей. Изъ этой переписи Нектарій увидѣлъ, что крестьяне четырехъ деревень архіепископскихъ «разбрелись неизвѣстно куда». Вслѣдствіе этого первою его хозяйственною заботою было отыскать бѣглецовъ и посадить ихъ на прежнія мѣста; заботы его увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: съ его пріѣзда опять начинаютъ свое существованіе упомянутыя деревни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ призывать въ софійскія деревни новыхъ крестьянъ, обѣщая имъ льготы и подмогу; на его призывъ, какъ увидимъ, откликнулись очень многіе: одни садились на пашни, другіе на оброкъ, а нѣкоторые записывались въ софійскіе закладчики. Но въ то время, какъ хозяйственная дѣятельность Нектарія шла такъ

[1]) Странникъ 1866 г., февр. стр. 68—69.
[2]) Др. Рос. Вивл. ч III, стр. 156.

успѣшно, правительство наносило ему одинъ ударъ за другимъ. Прежде всего денежное жалованье софійскому дому было уменьшено до половины: вмѣсто 690 рублей 65 коп. велѣно давать только 321 руб. 65 коп. Затѣмъ, въ 1638 г. присланъ указъ Тобольскому воеводѣ, чтобы съ слѣдующаго года давать софійскому дому вмѣсто хлѣбнаго жалованья деньгами, а съ 1642 г. совсѣмъ прекратить хлѣбную ругу. Этотъ указъ велѣно показать Нектарію, «чтобы онъ впередъ на государево жалованье не надѣялся, и строился своею пашнею, потому что послѣ Макарія за софійскимъ домомъ осталось много крестьянъ и ими пашню можно завести не малую». Но, вѣроятно Нектарій зналъ, что эти распоряженія исходятъ нестолько отъ царя, сколько отъ правителей сибирскаго приказа,—зналъ, что религіознѣйшій Михаилъ Ѳедоровичъ не можетъ такъ обижать домъ Софіи Премудрости Божіей. Поэтому немедленно же, одно за другимъ, послалъ къ царю два слезныхъ прошенія. Въ одномъ изъ нихъ онъ билъ челомъ, что ему строить свою пашню не кѣмъ, «пашенныхъ крестьянишекъ и бобыльковъ за софійскимъ домомъ мало». Но такъ какъ въ Москвѣ изъ переписи Веревкина знали, что и земли и крестьянъ у архіепископа достаточно, то Нектарій въ своей челобитной жаловался, «что въ этой переписи пашенные крестьяне писаны вдвое, отцы съ дѣтьми, а дѣти малы и не пашутъ, съ Ницынской и Тавдинской слободъ идетъ хлѣбъ не великій, а оброчные даютъ въ Софійскую казну только по 50 коп. въ годъ». Въ другомъ прошеніи Нектарій писалъ: «Нынѣ (1639 г.), государь, мнѣ богомольцу твоему и софійскимъ соборянамъ и дворовымъ людямъ даютъ за твое государево жалованье за хлѣбъ деньгами за четверть ржи по полтинѣ, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 мѣры) покупаютъ по 1 руб. 25 коп. и противъ, государь, торговой цѣны даютъ менѣе половины; между тѣмъ софійскіе соборяне и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, покупая хлѣбъ дорогою цѣною, въ конецъ погибли и одолжали великими долгами». Затѣмъ архіепископъ просилъ, чтобы давали въ домъ Софіи Премудрости Божіей хлѣбную ругу по прежнему хлѣбомъ, а не деньгами. Въ заключеніе чело-

битной читаемъ обыкновенный жалобный припѣвъ сибирскихъ архіепископовъ: «государь, смилуйся, пожалуй, чтобъ отъ хлѣбной скудости намъ нищимъ твоимъ богомольцамъ въ конецъ не погибнуть и врозь не разбрестись и твое царское богомолье безъ службы не было-бы». Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ устоять противъ такой челобитной и велѣлъ снова давать софійскому дому хлѣбную ругу, впрочемъ только до 1642 г. Теперь посмотримъ, на сколько справедливы были жалобы Нектарія на нищету софійскаго дома. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ «государевы богомольцы дальной сибирской вотчины», не смотря на ихъ громадную поземельную собственность и достаточное количество крестьянъ, бѣдствовали и терпѣли нужду въ самомъ необходимомъ? Совершенно справедливо, что хлѣбъ въ Сибири въ 1639 году значительно поднялся въ цѣнѣ по случаю неурожая въ этомъ году, справедливо и то, что воеводы, выдавая софійскому дому хлѣбную ругу деньгами, обсчитывали ружниковъ въ свою пользу: воеводамъ указано «давать деньгами по прямой сибирской торговой цѣнѣ, какою цѣною, въ которомъ году учнутъ хлѣбъ на торгу покупать», а они давали за четверть только по 50 коп., вмѣсто 1 р. 25 к. Но дѣло въ томъ, что софійскому дому не было никакой надобности обращаться за покупкой хлѣба къ торговымъ людямъ: въ его житницахъ всегда находились громадные запасы хлѣба, а въ погребахъ и кладовыхъ было въ изобиліи всякихъ питій и яствъ. Данныя объ этихъ запасахъ столь интересны, что мы считаемъ нужнымъ выписать здѣсь оныя изъ переписныхъ книгъ.

Въ 1636 году въ софійскомъ домѣ были слѣдующіе запасы:

Разнаго хлѣба	39,100 п.
Масла коровьяго	65 «
Соли	418 «
Меду прѣснаго	132 «
Хмелю	19 «
Вина горячаго	236 в.
Меду кислаго	79 «
Пива простаго	224 «
Пива поддѣльнаго	35 «
Вина церковнаго	13 «
Романеи красной	1/4 «

Уксусу	20 в.
Масла коноплянаго	6 «
Масла орѣховаго	1/4 «
Воску	6 п.
Жиру рыбьяго	10 ф.
Лимоновъ	110 шт.

Въ сушилахъ:

Осетровъ	202 шт.
Стерлядей	163 «
Нельмъ	243 «
Щукъ	260 «
Семгъ	7 «
Икры черной	1/4 п.

Просольной рыбы:

Щукъ	1343 шт.
Нельмъ	50 «
Стерлядей	120 «
Язей	301 «
Окуней	140 «
Осетровъ	17 «

Добавимъ къ этому, что у софійскаго дома было въ это же время 32 рабочихъ лошади и множество рогатаго скота. Для каждаго очевидно, что этимъ однимъ запасомъ «нищіе богомольцы», которыхъ съ дѣловыми людьми въ 1836 г. было 70 человѣкъ, могли не только прокормить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ могли кормить всю армію Ермака, съ которою онъ завоевалъ Сибирское царство. Трудно предположить, чтобы при такихъ запасахъ можно было этимъ богомольцамъ голодать, или чтобы они дѣйствительно имѣли намѣреніе «брести врозь». Но вѣдь это только запасы, остатки отъ ежегодныхъ приходовъ. Въ томъ же году они должны были получить изъ казны хлѣба 6,180 пуд., меду 60 пуд., вина горячаго 100 ведеръ, за рыбныя ловли 110 руб. 13 коп., денежнаго жалованья 321 руб. 65 к. Несправедливо также жаловался архіепископъ Нектарій, что съ вотчинъ софійскаго дома «идетъ не великій хлѣбъ». Изъ переписныхъ книгъ Веревкина видно, что въ 1636 г. съ одной Ницынской слободы привезено въ Тобольскъ въ софійскія житницы разнаго хлѣба 4,535 пудовъ. Таковы были средства софійскаго дома до вступленія Нектарія на сибирскую ка-

ѳедру. Но при немъ эти средства должны были значительно увеличиться: каждый годъ селились на софійскихъ вотчинахъ новые крестьяне и, значитъ, каждый годъ усиливалось хлѣбопашество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество «пятиннаго хлѣба», собираемаго софійскими выдѣльщиками, все болѣе и болѣе увеличивалось. По переписи, произведенной послѣ оставленія Нектаріемъ сибирской архіепископской каѳедры, т. е. въ 1640 г., за софійскимъ домомъ числилось крестьянъ: въ деревняхъ—Комарицкой, Матвѣевской, Кисилевской и Безсоновской—58 чел., въ Ницынской слободѣ—182 чел., въ Тавдинской—79 чел., да бобылей въ Тобольскѣ, Тюменѣ, Туринскѣ и Верхотурьѣ—111 чел., всего 427 челов. мужскаго пола, тогда какъ Нектарій унаслѣдовалъ отъ Макарія только 138 человѣкъ. Кромѣ того, своему преемнику, архіепископскому Герасиму, онъ оставилъ: разнаго хлѣба 3,858 ч., ссудныхъ и заемныхъ кабалъ и памятей 756, денегъ по этимъ кабаламъ 1,906 р. 26 коп., хлѣба 2,323 ч., 61 лошадь, да массу рогатаго скота и всякихъ съѣстныхъ припасовъ и питій. Что софійскому дому не было надобности обращаться за покупкой хлѣба къ торговымъ людямъ можно уже судить потому, что въ 1639 г. во время неурожая архіепископъ Нектарій нашелъ возможнымъ дать изъ софійскихъ житницъ въ долгъ самому правительству 1,500 ч. ржи и 500 ч. овса.

IV.

Далеко не съ такимъ усердіемъ Нектарій занимался своими архіерейскими дѣлами, какъ хозяйственными. Н. Абрамовъ въ вышеупомянутой статьѣ объ этомъ архіепископѣ замѣчаетъ, что «онъ управлялъ сибирскою епархіей недолго, но и въ этотъ срокъ успѣлъ внушить къ себѣ почтеніе и любовь паствы и ознаменовать ревность свою къ благу церкви многими полезными и достославными дѣйствіями» [1]). Съ этимъ отзывомъ мы рѣшительно не согласны: въ немъ только одно справедливо, что Нектарій управлялъ епархіей недолго, а все остальное—вымыселъ самого біографа. Въ своей статьѣ онъ

1) См. стр. 83.

не приводитъ этихъ «многихъ полезныхъ и достославныхъ дѣйствій», а пишетъ о предметахъ большею частію нисколько не относящихся къ пастырскому служенію Нектарія, напр. объ основаніи въ Сибири въ то время городовъ и селъ, приводитъ выпись изъ синодика о побѣдѣ Ермака надъ Кучумомъ, о гибели Ермака съ товарищами и т. п.; мы же и въ документахъ не нашли ничего такого, что оправдывало бы отзывъ о Нектаріи этого писателя. Несомнѣнныя историческія данныя не только не свидѣтельствуютъ о почтеніи и любви сибирской паствы къ своему архипастырю, а напротивъ говорятъ, что Нектарій въ первый же годъ пребыванія въ Тобольскѣ возбудилъ противъ себя общую ненависть—воеводъ, дьяковъ и подьячихъ, боярскихъ дѣтей, монаховъ, своихъ старцевъ и дворовыхъ людей; въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на массу доносовъ на Нектарія отъ лицъ разнаго званія и положенія. Правда, эти доносы оказывались неосновательными и сами доносчики сознавались въ ложности своихъ обвиненій Нектарія «во многихъ государевыхъ дѣлахъ», но тѣмъ не менѣе самое появленіе множества доносовъ ужъ никакъ не можетъ свидѣтельствовать о почтеніи и любви сибирской паствы къ своему архипастырю. Вполнѣ естественно, что Нектарій, какъ строгій монахъ, не могъ ужиться съ развращеннымъ сибирскимъ населеніемъ: послѣ слабаго Макарія, снисходительно относившагося къ нравамъ своей паствы, строгость его преемника не по вкусу пришлась сибирякамъ. Развѣ архіепископскія боярскія дѣти, старцы, дворовые люди и клиръ могли простить Нектарію, напр. замѣну казеннаго вина медомъ—о чемъ мы упоминали выше: прежде архіепископскій домъ одной казенной водки выпивалъ 100 ведеръ въ годъ, а теперь вмѣсто этого государева жалованья давали ему только медъ.

Трудно было Нектарію управлять сибирскою епархіей: съ 12 лѣтъ онъ жилъ внѣ міра, въ Ниловой пустыни, велъ строгую подвижническую жизнь и вдругъ такого человѣка угодно было царю Михаилу и патріарху Іоасафу назначить архіепископомъ на Тобольскую каѳедру! Ему Тобольскъ показался сущимъ адомъ: старшій воевода Темкинъ Ростовскій

былъ въ непримиримой враждѣ съ младшимъ Волынскимъ; тотъ и другой обращаются къ новому архіепископу съ разными кляузами другъ на друга. Нектарій принимаетъ сторону одного и тѣмъ вооружаетъ противъ себя другаго, а этотъ послѣдній не стѣсняется въ средствахъ, чтобы досадить ему: побуждаетъ своихъ странниковъ шумѣть на архіепископа, ругать его «всякою неподобною бранью». Старцы, монахи, попы, боярскія дѣти и др. ведутъ безобразную жизнь, кляузничаютъ другъ на друга, а Нектарію приходится разбирать ихъ: онъ хочетъ «смирять» виновнаго, а послѣдній кричитъ на него «государево слово и дѣло», бѣжитъ въ съѣзжую избу и требуетъ, чтобы воеводы выслушали его иногда самыя нелѣпыя обвиненія. Не легко было Нектарію, отвыкшему отъ мірской жизни, ориентироваться въ подобныхъ дѣлахъ и онъ самъ сознавался царю, что не умѣетъ управиться съ людьми: «я человѣкъ пустынный и всякія мірскія дѣла мнѣ не за обычай», писалъ этотъ архіепископъ Михаилу Ѳедоровичу. Но архіепископу невозможно было жить только келейною жизнію; кругъ его обязанностей слишкомъ великъ и ему необходимо было считаться со всякими мірскими дѣлами, а для этого нуженъ тактъ, умѣнье быть во время строгимъ или снисходительнымъ. Между тѣмъ Нектарій, какъ видно, относился ко всѣмъ какъ строгій монахъ и думалъ управлять сибирскою паствою точно такъ же, какъ онъ управлялъ монахами въ Ниловой пустынѣ. Вотъ гдѣ лежала причина общей къ нему ненависти и многочисленныхъ на него кляузъ. На Нектарія жаловался ризничій черный дьячекъ Илья, который присланъ въ Тобольскъ «для наученія архіепископа святительскому чину», жаловался черный попъ Макарій, жаловались боярскія дѣти—Павелъ Хмелевскій и Савва Францужининъ, а заводчиками разныхъ кляузъ были второй воевода и дьяки. «Да и софійскіе, государь, писалъ Нектарій Михаилу Ѳедоровичу, дворовые люди, старцы, дѣти боярскія и пѣвчіе дьяки, кромѣ стараго дьяка Саввы Есипова, умышляютъ на меня богомольца твоего и угрожаютъ доводными составными всякими дѣлами... [1]) А почему эти люди жаловались? Черный

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. от. № 571 ненумерованъ.

дьяконъ Илья «много безчинства дѣлаетъ» «приходитъ въ церковь многіе дни пьянъ и дѣлалъ безчинство», а когда Нектарій хотѣлъ послать ихъ «на смиреніе», то они начали говорить на него государево дѣло. Про Павла Хмелевскаго, ссыльнаго литвина, Нектарій писалъ царю слѣдующее: «въ нынѣшнемъ 1637 года Генваря 24 дня прибѣжали ко мнѣ предъ церковь двое ребятъ бить челомъ на ссыльнаго литвина Павла Хмелевскаго боярскаго сына въ духовномъ и великомъ дѣлѣ--одинъ битъ и весь въ крови, а другой женъ огнемъ. Я велѣлъ распросить ихъ и они сказали: живутъ де они у Павла Хмелевскаго, одного зовутъ Гришкою, а другого Ивашкою и тотъ де Павелъ для злого богомерзскаго блуднаго грѣха бьетъ и мучитъ ихъ неповинно»... Нектарій допросилъ объ этомъ духовнаго отца и послѣдній подтвердилъ, что Павелъ Хмелевскій билъ и жегъ огнемъ тѣхъ ребятъ за то, что не соглашались съ нимъ на тотъ содомскій грѣхъ. «Я много разъ, доносилъ Нектарій, посылалъ за Павломъ, чтобы онъ пришелъ для допросу, но онъ учинился силенъ и къ сказкѣ не пошелъ... А нынѣ по твоему государеву указу велѣно Хмелевскаго отпустить въ Москву и онъ похваляется на меня всякимъ дурномъ» [1]). Съ перваго взгляда кажется страннымъ то, что Нектарій не могъ заставить Павла Хмелевскаго явиться къ себѣ на судъ, такъ какъ воеводамъ строго предписывалось давать архіепископамъ приставовъ на ослушниковъ по первому ихъ требованію. Положимъ, что Нектарій былъ во враждѣ со вторымъ тобольскимъ воеводой и отъ него, конечно, не могъ получить содѣйствія, но главный воевода Темкинъ-Ростовскій, повидимому, не враждовалъ съ Нектаріемъ и стало быть могъ приказать приставу силой привести виновника на судъ архіепископа. А между тѣмъ, какъ видно изъ донесенія самого архіепископа, этого не случилось. Почему же? Дѣло въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ господствовали такіе оригинальные порядки, которые давали возможность каждому виновному избавиться отъ всякой власти, будь этою властью воевода или

[1]) Ibid.

архіепископъ: стоитъ ему только объявить на того и другого государево слово и дѣло и власть ихъ тогда теряетъ свойственный ей авторитетъ до тѣхъ поръ, пока не явится на этотъ счетъ указъ государя. Лучше всего эти порядки можно показать на дѣлѣ объ извѣстѣ одного ссыльнаго француза Саввы на архіепископа Нектарія и воеводу Темкина-Ростовскаго. Это интересное дѣло началось слѣдующимъ образомъ. Въ 1637 году упомянутый французъ является къ главному Тобольскому воеводѣ Темкину-Ростовскому и говоритъ: «тамъ гдѣ я родился есть руда серебрянная, мѣдная и желѣзная и рудное дѣло мнѣ хорошо извѣстно; пожалуй, отпусти меня въ Верхотурскій уѣздъ къ желѣзной рудѣ, а я государю прибыль сдѣлаю и государь тебя похвалитъ». На это воевода отвѣчалъ: «государь потерялъ казну подъ Смоленскомъ (неудачный походъ Шеина)—нѣмцамъ бл..... дѣтямъ роздалъ, а послѣ того въ мѣдной же рудѣ потерялъ казну чрезъ нѣмцевъ же, а я такъ терять не хочу». Потомъ Савва Французанинъ просилъ отпуска въ Тюмень, но воевода выгналъ его вонъ. Ссыльный оскорбился и затаилъ злобу на воеводу. Вскорѣ послѣ этого одинъ боярскій сынъ Рукинъ подалъ воеводамъ искъ на 86 руб. на того же ссыльнаго француза. Но послѣдній, зная взаимную вражду воеводъ, рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для оттяжки своего дѣла. Такъ какъ отвѣтчикъ не надѣялся на Темкина Ростовскаго, то ему нужно было, выражаясь по нашему, отвести его, но какимъ образомъ? Оказывается, что въ тогдашнее время это дѣлалось очень просто. Савва Французанинъ заявилъ, что знаетъ за воеводой государево слово и дѣло и вслѣдъ затѣмъ подалъ на него письменный извѣтъ второму воеводѣ Андрею Волынскому и дьякамъ. Но послѣдніе не посмѣли сдѣлать допросъ Темкину-Ростовскому относительно обвиненія его въ государевомъ дѣлѣ и передали извѣтъ архіепископу Нектарію, а извѣтчикъ Савва просилъ послѣдняго переслать его извѣтъ въ Москву къ царю. Только Нектарій, вѣроятно, по дружбѣ къ Темкину-Ростовскому, долго не посылалъ этотъ извѣтъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу. Тогда Савва Французанинъ, предполагая, что Нектарій держитъ сторону главнаго вое-

воды и что онъ не только не перешлетъ его челобитную въ Москву, а даже можетъ написать царю противъ него, затѣялъ и на Нектарія государево слово. «Когда мы сидѣли въ съѣзной избѣ, писали царю второй воевода и дьяки, то услышали крикъ — что бьютъ и рѣжутъ, и потомъ входитъ Савва Французанинъ и говоритъ, что за нимъ великое государево слово дѣло и патріаршее духовное на Нектарія»... Второй воевода и дьяки обязаны были сдѣлать допросъ и для этой цѣли зовутъ въ съѣзжую избу главнаго воеводу Темкина-Ростовскаго, но послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, на допросъ не пошелъ, говоря, что «Савва и на него сказалъ государево дѣло, а потому мнѣ допросить его не умѣть», т. е. Темкинъ-Ростовскій не могъ быть судьею въ дѣлѣ того, кто на него выкрикнулъ слово и дѣло. Замѣчательно въ данномъ случаѣ то, что московское правительство признавало подобный порядокъ веденія дѣлъ нормальнымъ и послѣ этого по дѣлу Саввы Французанина уже вело переписку не съ главнымъ воеводой, а съ его товарищами и въ царскихъ грамотахъ къ послѣднимъ имя Темкина-Ростовскаго не упоминалось, а равнымъ образомъ и товарищи главнаго воеводы отвѣчали царю по тому же дѣлу только отъ себя—главный воевода какъ бы не существовалъ, его значеніе уничтожилось извѣтомъ. Вотъ почему Нектарій а) не могъ уже просить главнаго воеводу ни сдѣлать допросъ Саввѣ Французанину относительно извѣта на него, ни посадить извѣтчика подъ арестъ и б) не могъ самъ сдѣлать допросъ объ извѣтѣ того же лица на Темкина Ростовскаго. А когда архіепископъ за этимъ обратился къ товарищамъ главнаго воеводы, то они по не дружбѣ къ нему отказали, говоря, что «такихъ по прежнимъ обычаямъ сажать въ тюрьму нельзя». Между тѣмъ Савва, сказавши на Нектарія слово и дѣло, подалъ второму воеводѣ А. Волынскому и дьякамъ письменный на него извѣтъ на французскомъ языкѣ. Нектарій просилъ перевести этотъ извѣтъ на русскій языкъ, а Андрей Волынскій и дьяки отвѣчали ему, что въ Тобольскѣ нѣтъ человѣка, который зналъ бы французскій языкъ. Но это была ложь: въ Тобольскѣ были люди знавшіе французскій языкъ. Нектарій писалъ Ми-

хаилу Ѳедоровичу, что такіе знатоки есть и могутъ перевести съ французскаго языка на русскій, но Волынскіе и дьяки по враждѣ къ нему и «наровя тому нѣмчину» не дозволяли того сдѣлать. Да и сами эти власти писали царю, что они не давали перевести извѣта на архіепископа не вслѣдствіе отсутствія лицъ въ Тобольскѣ умѣвшихъ это сдѣлать, а потому, чтобы Нектарій напередъ не узналъ, въ чемъ заключается содержаніе извѣта, «чтобъ онъ не вѣдалъ твое государево дѣло, мы послали то письмо къ тебѣ государю»... Оно было послано въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «A la tres grande Maieste Micael Tedrovitz lempereur de moscou et de toute la roussie»... Послѣ такого обращенія Савва жалуется, что онъ подалъ архіепископу Нектарію челобитную къ царю съ извѣтомъ на воеводу Темкина Ростовскаго, но не смотря на то, что онъ уже давно отдалъ челобитную, архіепископъ до сихъ поръ не отсылаетъ ее. «Пожалуй, государь, быть мнѣ въ Москвѣ и я разскажу про злыя неправды воеводы и про злыя дѣла архіепископа. А я французской земли дворянинъ, присланный изъ голландской земли отъ князя Мориса; крестилъ меня ростовскій митрополитъ, а имя мнѣ Сава. Грамота обо мнѣ находится въ посольскомъ приказѣ и въ ней объявится моя службишка» (послѣднимъ словомъ русскій человѣкъ перевелъ фразу «mon fidelle service»). Между тѣмъ ссыльный французъ былъ на свободѣ и оставался совершенно безнаказаннымъ. Второй воевода и дьяки явно ему покровительствовали, а другой власти надъ нимъ теперь въ Тобольскѣ не было. Въ это дѣло вмѣшались было боярскія дѣти: такъ какъ главный воевода и архіепископъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ не могли сдѣлать ему допросъ, а товарищи не хотѣли, то нѣкоторые изъ боярскихъ дѣтей предлагали поставить Савву Француженина предъ всѣмъ народомъ и распросить его, другіе же кричали, что слѣдуетъ этого «вѣдомаго вора убить или бросить въ Иртышъ». Но Волынскій и дьяки опять вступились за ссыльнаго, а потому изъ вмѣшательства боярскихъ дѣтей ничего не вышло. Точно также и вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ архіепископъ Нектарій не могъ найти управы

въ Тобольскѣ и на Павла Хмелевскаго, обвиненнаго въ самомъ ужасномъ преступленіи. Чрезъ годъ послѣ начала дѣла Нектарій жаловался Михаилу Ѳедоровичу: «въ прошломъ году писалъ я на Павла Хмелевскаго за его неистовое житье и что онъ меня богомольца твоего бранилъ всякою неподобною бранью, смилуйся, пожалуй дай оборону»... Не могъ Нектарій найти управы въ Тобольскѣ и на другихъ извѣтчиковъ и разныхъ преступниковъ. Не разъ онъ писалъ государю о защитѣ противъ враговъ и ослушниковъ, не разъ и государь предписывалъ тобольскимъ воеводамъ дать удовлетвореніе архіепископу, но вслѣдствіе вражды воеводъ исполненія этихъ предписаній не было. Это вынудило Нектарія написать Михаилу Ѳедоровичу самую отчаянную челобитную; послѣ разныхъ жалобъ онъ заключилъ челобитную такимъ образомъ: «пожалуй, государь, меня богомольца твоего, вели мнѣ быть въ Ниловой пустыни, или гдѣ ты укажешь, а мнѣ въ Сибири отъ такихъ заводныхъ доводовъ быть отнюдь невозможно никакими обычаями»... Только послѣ этого государь указалъ: Савву Французанина выслать изъ Тобольска въ Тюмень, а Павла Хмелевскаго въ Красноярскъ, но съ сохраненіемъ службы и денежнаго и хлѣбнаго жалованья [1]).

Не мало безпокойствъ и непріятностей доставляли Нектарію и монахи тобольскаго знаменскаго монастыря то своимъ «неистовымъ житьемъ», то своими кляузами другъ на друга. Мы выше упомянули, что половина монаховъ этого монастыря состояла изъ разныхъ ссыльныхъ преступниковъ, а изъ одного документа, относящагося ко времени архіепископства въ Сибири Нектарія, оказывается, что большинство этихъ ссыльныхъ были литовцы. Въ Сибирскомъ приказѣ мы нашли «Выпись изъ извѣтнаго дѣла тобольскаго города Знаменскаго монастыря ссыльнаго чернеца Малаха...», которая сообщаетъ въ высшей степени интересныя данныя о ссыльныхъ монахахъ. Малахъ это-тотъ самый чернецъ, который въ 1632 г. присланъ былъ въ Тобольскъ изъ Соловецкаго монастыря за «безчинство и многое воровство». Въ 1637 г. онъ объявилъ за собой государево слово и дѣло

[1]) Ibid.

и его потребовали къ допросу въ съѣзжую избу. Здѣсь Малахъ сказалъ, что онъ то царское дѣло не скажетъ никому въ Тобольскѣ, а только въ Москвѣ; тогда воеводы спросили извѣтчика «съ пристрастіемъ» и у него языкъ развязался. Прежде всего онъ заявилъ, что вѣдаетъ царское дѣло на ссыльныхъ литовскихъ старцевъ Знаменскаго монастыря—на чернаго попа Гелактіона, келаря Аркадія и на старцевъ Капитона и Михаила. Изъ этого уже видно, какой элементъ господствовалъ въ Тобольскомъ мужскомъ монастырѣ: въ немъ были одинъ черный попъ и одинъ келарь, да и тѣ изъ ссыльныхъ литовскихъ старцевъ. Далѣе Малахъ разсказываетъ воеводамъ слѣдующее. Когда стало извѣстно въ Тобольскѣ, что посланы государевы ратные люди на службу подъ Смоленскъ, то онъ Малахъ сказалъ черному попу Гелактіону: «для чего де въ Знаменскомъ монастырѣ не поютъ молебновъ, чтобъ Богъ поручилъ Смоленскъ государю...» а Гелактіонъ отвѣчалъ—«пошли де государевы люди подъ Смоленскъ и имъ по ихъ де правдѣ такъ и будетъ и, показавъ ему Малаху въ кельѣ перстъ, (кукишъ)—вотъ де что имъ будетъ...» «А почему, снова спросилъ Малахъ, Бога не молятъ о государскомъ здоровьѣ?» На это Гелактіонъ отвѣчалъ: «а тебя кто объ этомъ спрашиваетъ?» Малахъ: «получаютъ де они государево жалованье, а за государево многолѣтнее здравіе Бога не молятъ: въ понедѣльникъ, среду и пятницу молебновъ не поютъ противъ того, какъ на Руси это дѣлается». Гелактіонъ: «послали де ратныхъ людей подъ Смоленскъ патріархъ, да старцевъ сынъ (т. е. Михаилъ Ѳедоровичъ), захотѣли де литвы взять—вотъ де что имъ будетъ...» и снова Гелактіонъ показалъ перстъ въ кельѣ. Малахъ: «Я про эти рѣчи Гелактіона прежде де не посмѣлъ сказать воеводѣ Голицыну, потому что ссыльный человѣкъ, архимандрита же въ то время въ монастырѣ не было, а когда заявилъ о нихъ келарю Аркадію, то Аркадій сказалъ: «чортъ де тебя спрашиваетъ—зналъ бы себя, отъ чорта де ты пріѣхалъ...» Затѣмъ извѣтъ Малаха касается другихъ старцевъ—Капитона и Михаила. «Приносили они отъ Нектарія, разсказываетъ извѣтчикъ, яству попу Гелактіону, котораго Нектарій архі-

епископъ ссылалъ въ енесейскій острогъ, а Гелактіонъ принялъ яству и поилъ ихъ до вечера, а я въ то время сидѣлъ за монастырскими воротами; Капитонъ и Малахъ вышли къ нему пьяны и Капитонъ сказалъ мнѣ: отца де ихъ духовнаго Гелактіона посылаютъ въ енесейскій острогъ за тебя худаго доводчика, а ты Малахъ забылъ свою вѣру и набрался де русскаго сабачьяго духу. «А старецъ Михаилъ къ этому еще добавилъ: «судилъ де его Малаха Суздальскій архіепископъ Іосифъ и тотъ де своей вѣры не забылъ, а хотѣлъ ѣхать въ Литву и съ нимъ хотѣли же ѣхать ихъ (литовцевъ) человѣкъ десятковъ пять и шесть, да вывернулся такой же доводчикъ, какъ Малахъ, разсказалъ про то и ихъ разослали въ Сибирь...»[1]).

Въ этомъ дѣлѣ упоминается семь литовцевъ, жившихъ въ Тобольскомъ мужскомъ монастырѣ, а другіе документы указываютъ, что такого же происхожденія были и старцы—Нафанаилъ и Герасимъ. Хотя они и принимали православіе, но въ душѣ оставались католиками, съ презрѣніемъ относились къ иноческимъ правиламъ русскихъ православныхъ монастырей и къ самимъ русскимъ, вели безпутную жизнь, а потому никакія мѣры архіепископовъ не въ состояніи были поднять нравственный уровень сибирскихъ монастырей до тѣхъ поръ, пока послѣдніе наполнялись ссыльными.

Вражда къ Нектарію отразилась и на отношеніяхъ къ нему воеводъ другихъ сибирскихъ городовъ: послѣдніе, такъ же какъ и при Кипріанѣ, начинаютъ вмѣшиваться въ духовныя архіепископскія дѣла, не обращаютъ никакого вниманія на грамоты Нектарія и покрываютъ всякія духовныя преступленія. Особенно возмущало Нектарія то, что воеводы сибирскіе безъ государева указа и безъ сношенія съ ними отпускали изъ Сибири на Русь черныхъ и бѣлыхъ поповъ, въ которыхъ и безъ того была крайняя нужда. Такъ въ 1638 г. архіеп. Нектарій жаловался царю на Мангазейскаго воеводу Бориса Пушкина за то, что онъ «для своей бездѣльной корысти» безъ архіепископскаго вѣдома и безъ государева ука-

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 81, лл. 390—406.

за отпустилъ на Русь тамошняго священника. «И нынѣ, государь, писалъ Нектарій, въ Мангазеѣ попа нѣтъ, богомолье стоитъ безъ службы, служилые и всякихъ чиновъ люди умираютъ безъ покаянія и безъ причастія, а младенцы безъ крещенія. Да тотъ же попъ Иванъ, которому была приказана мангазейская и туруханская десятина и всякія духовныя и церковныя дѣла, свезъ съ собою на Русь всякія десятинныя и церковныя данныя, софійскія сборныя деньги и книги, а въ Сибири попами скудно и послать въ Мангазею некого» [1]). А какъ была велика нужда въ духовенствѣ объ этомъ можно судить уже потому, что въ Сибири рады были всякимъ попамъ—даже ворамъ и грабителямъ, лишь бы только они служили въ церкви. Въ подтвержденіе этого можно было привести много данныхъ изъ документовъ сибирскаго приказа, но мы здѣсь упомянемъ о двухъ случаяхъ. Въ 1638 г. игуменъ верхотурскаго Никольскаго монастыря Іона, заручившись отпускною отъ воеводы, ограбилъ монастырскую казну и убѣжалъ въ Соли-Камскъ. Нектарій просилъ царя отыскать этого бѣглеца и опять прислать въ Сибирь, потому что «игуменами и черными попами скудно»; въ той же грамотѣ онъ писалъ, что и изъ иныхъ сибирскихъ городовъ воеводы отпускаютъ на Русь игуменовъ и бѣлыхъ поповъ [2]). Въ Сибири были и попы—самозванцы, которые никогда не были посвящены въ священническій санъ, а являлись туда подъ именемъ поповъ ради корыстныхъ цѣлей и тѣмъ не менѣе и такими дорожили, если они служили въ церкви. Архіепископъ Нектарій въ грамотѣ къ Михаилу Ѳедоровичу отъ 1639 г. пишетъ про одного мангазейскаго попа слѣдующее. Въ 1635 г. при Макаріѣ пріѣхалъ съ Мезени бѣлый попъ Евстафій и служилъ въ Мангазеи, но попадьи не имѣлъ, какъ не имѣлъ и никакого вида и архіепископскаго благословенія на служеніе; въ томъ же году онъ убѣжалъ на Русь. Да и прежде при архіепископѣ Кипріанѣ, тотъ же Евстафій появлялся въ Мангазеи, служилъ нѣкоторое время въ качествѣ

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр. Ст. № 165 л. 101.

[2]) Ibid. Разб. Столб. № 323.

попа и затѣмъ убѣгалъ за Камень. Что же это за личность и съ какою цѣлію названный попъ почти ежегодно пріѣзжалъ въ Мангазею и также часто бѣгалъ на Русь? Изъ грамоты Нектарія оказывается, что Евстафій «будучи въ Сибири торговалъ соболями и на промыслы соболиные посылалъ отъ себя промышленныхъ людей» [1]). Дѣло въ томъ, что съ торговыхъ людей бралась въ казну десятая пошлина какъ за торговлю, такъ за промыслы, а духовныя лица и особенно священники пользовались въ этомъ отношеніи нѣкоторыми привиллегіями. И вотъ, вѣроятно, какой-нибудь торговый человѣкъ, чтобы воспользоваться этой привиллегіей, назвался попомъ, служилъ въ мангазейской церкви и въ то же время занимался промыслами, а какъ только наловитъ соболей, то убѣгаетъ на Русь, продаетъ ихъ тамъ и снова появляется въ Мангазеи и т. д. Интереснѣе всего то, что Нектарій, хотя и имѣлъ такія свѣдѣнія объ Евстафіѣ, но тѣмъ не менѣе дорожилъ имъ: когда въ 1639 г. этотъ мнимый попъ попросилъ у него отпуска на Русь, то Нектарій не далъ и просилъ царя приказать Евстафію по прежнему служить въ мангазейской церкви, такъ какъ «въ Сибири, государь, попами скудно» и государь указалъ, велѣлъ «тому попу быть въ Сибири».

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы нашли въ разныхъ документахъ о жизни и дѣятельности третьяго сибирскаго архіепископа: никакихъ многихъ «достославныхъ дѣйствій» Нектарія, о которыхъ говоритъ Н. Абрамовъ, мы не могли отмѣтить. Совершенно несправедливо предполагаетъ этотъ писатель, что будто бы при Нектаріѣ заведено самостоятельное иконописаніе при архіепископскомъ домѣ и при сибирскихъ монастыряхъ (стр. 79). Иконописцы присылались въ Тобольскъ и Верхотурье изъ Руси по указу государя и притомъ только на время: такъ было при Кипріанѣ, Макаріѣ и никакихъ новостей на этотъ счетъ мы не встрѣчаемъ при архіепископѣ Нектаріѣ. Знаемъ, что при немъ изъ Сольвычегодска и Устюга В. присланы иконописцы, но только на время, для написа-

[1]) Ibid. Разб. Ст. № 327.

нія нѣкоторыхъ иконъ [1]). О нихъ Нектарій писалъ Михаилу Ѳеодоровичу: присланные два иконника написали за 38 р. къ Софіи Премудрости Божіей иконы «пядницы» и теперь вели, государь, дать имъ подводы на обратный проѣздъ [2])». Но Абрамовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: «хотя тѣло Нектарія далеко погребено отъ Сибири, но имя и память о немъ будутъ незабвенны» [3]). Именно потому, думаемъ мы, что съ его именемъ связанъ праздникъ чудотворной иконы Абалакской Божіей Матери—первой мѣстной святыни, столь почитаемой въ Сибири. Въ «Запискахъ къ Сибирской Исторіи» объ установленіи этого праздника находимъ слѣдующее извѣстіе: въ 1636 г. въ 25 день іюля, въ Тобольскѣ явилась одной женѣ пресвятая Богородица съ чудотворцемъ Николаемъ, повелѣвая сказать о своемъ святомъ явленіи архіепископу, воеводамъ и всѣмъ христолюбивымъ людямъ, чтобъ во имя ея святого, честнаго и славнаго знаменія, которое было въ Новгородѣ, воздвигнули въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Абалакъ другую церковь подлѣ Преображенія церкви; и потому ея пресвятой Богородицы святому явленію церковь въ Абалакѣ воздвигнута въ 1637 году; а потому ея святому явленію и образъ былъ написанъ вскорѣ и поставленъ въ той ея новозданной церкви; и были въ то время отъ образа иконы пресвятой Богородицы многія чудеса и до сего дни; и такъ установилось ея празднество [4]). Самый образъ былъ написанъ протодьякономъ Матвѣемъ, тѣмъ самымъ, который прибылъ въ Тобольскъ съ первымъ сибирскимъ архіепископомъ Кипріаномъ [5]).

Нектарій и четырехъ лѣтъ не пробылъ въ Сибири. Мы упоминали выше, что этотъ архіепископъ съ неохотой ѣхалъ на мѣсто новаго служенія, а прибывъ въ Тобольскъ, онъ осо-

---

[1]) Доп. къ А. И. т. IV, № 165.

[2]) А. М. Ю. Спб. Пр. Разб. Ст. № 324.

[3]) Странникъ, 1866 г., февр. стр. 70.

[4]) Др. Р. Вивл. ч. III, стр. 156.

[5]) Въ нашей статьѣ «Открытіе Тобольской епархіи»... вкралась ошибка: на стр. 21 въ прим. 3 напечатано—«при архіепископѣ Макаріѣ», читай: «при Нектаріѣ».

бенно долженъ былъ почувствовать тягость своего положенія вслѣдствіе тѣхъ непріятныхъ отношеній, которыя установились между нимъ и тобольскими властями и населеніемъ. Поэтому уже со второго года своего служенія въ Сибири онъ началъ просить Михаила Ѳедоровича объ отпускѣ его въ Нилову пустынь. Въ 1639 году Нектарій послалъ царю слѣдующую челобитную. «Взятъ я, ржевскаго уѣзда, Новгородскаго митрополья, изъ Ниловы пустыни и посланъ въ Сибирь въ архіепископы. И я, богомолецъ твой, старъ и боленъ, а постригся въ Ниловѣ пустынѣ тому 39 лѣтъ и отецъ мой духовный игуменъ Герасимъ у престола Господня, въ олтарѣ благословилъ меня и запретилъ съ клятвою, чтобы мнѣ изъ Ниловой пустыни не выйти до смерти живота своего. А будетъ де ты въ кой монастырь или городъ пойдешь жить до своей смерти и не будетъ де на тебѣ милость Божія и мое благословеніе отца твоего духовнаго и въ ономъ вѣкѣ лица Божія не увидишь... Пожалуй меня, богомольца твоего, отпустить изъ Сибири на обѣщаніе мое въ Нилову пустынь ради запрещенія отца моего духовнаго и моихъ различныхъ скорбей и болѣзней» [1]... Эта челобитная была уважена и Михаилъ Ѳедоровичъ разрѣшилъ Нектарію оставить Тобольскую каѳедру и возвратиться въ Нилову пустынь. Изъ одной отписки Тобольскихъ воеводъ видно, что Нектарій выѣхалъ изъ Тобольска 1640 г. генваря 8 дня, на подъемъ ему дано 32 подводы» [2]. Хотя Нектарій и жаловался царю на свою старость и немощь, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ еще не старъ—ему въ 1640 г. было только 52 года и настолько имѣлъ крѣпкій организмъ, что, послѣ оставленія Тобольской каѳедры, прожилъ еще 26 лѣтъ. Прибывъ въ Москву, онъ «сложилъ съ себя святительскій санъ», смиренія ради облекся въ черную мантію и скоро отправился въ Нилову пустынь, которою и управлялъ до самой смерти. Въ 1666 г. онъ по дѣламъ пустыни былъ въ Москвѣ и здѣсь преставился въ Чудовомъ монастырѣ на 79 г. отъ рожденія, завѣщавъ похо-

---

[1] А. М. Ю. Спб. Пр. Разб. ст. № 322.

[2] Ibid. ст. № 303.

ронить себя въ столь любимой имъ Ниловой пустыни. «По преставленіи Нектарія, передаетъ одинъ сибирскій лѣтописецъ, тѣло его провожалъ за земляной городъ самъ великій государь и со властями, а въ Ниловъ для погребенія посланъ былъ тверской архіепископъ» [1]).

V.

Преемникомъ Нектарія на тобольской архіепископской каѳедрѣ былъ Герасимъ. Объ этомъ четвертомъ Сибирскомъ архіепископѣ его біографъ Н. Абрамовъ замѣчаетъ, что «о жизни и дѣйствіяхъ сего преосвященнаго по управленію эпархіей не сохранилось ни устныхъ преданій, ни письменныхъ актовъ: преданія отъ времени исчезли; дѣла тобольскаго архіерейскаго приказа, изъ которыхъ можно было извлечь надлежащія свѣдѣнія сгорѣли въ пожаръ 1659 года» [2]). Хотя и мы не можемъ похвалиться обиліемъ соотвѣтственнаго матеріала, но тѣмъ не менѣе историческіе документы, извлеченные нами изъ Сибирскаго Приказа проливаютъ яркій свѣтъ на личность архіепископа Герасима и даютъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить о его дѣятельности въ Сибири.

До посвященія въ архіепископа сибирскаго и тобольскаго, Герасимъ жилъ въ одномъ изъ новгородскихъ монастырей—Тихвинскомъ и управлялъ этимъ монастыремъ въ санѣ игумена. Московское правительство преимущественно назначало на тобольскую каѳедру уроженцевъ новгородской области: изъ шести первыхъ тобольскихъ архіепископовъ, несомнѣнно, пять принадлежали по рожденію и воспитанію къ Великому Новгороду. Всѣ они отличались высшимъ духовнымъ образованіемъ и за исключеніемъ Макарія обладали твердымъ и энергичнымъ характеромъ. На высшее образованіе архіеп. Герасима указываетъ уже одно то, что онъ получилъ оное въ училищѣ при новгородскомъ архіепископскомъ домѣ, давшемъ московской Руси много просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ людей. И будучи въ Сибири, этотъ святитель не бросалъ книж-

---

[1]) Др. Рос. Библ. ч., III стр. 162.

[2]) Странникъ, 1866 г. Авг., стр. 49.

ныхъ занятій: новыя книги, напечатанныя въ Москвѣ немедленно выписывались имъ въ Тобольскъ. Н. Абрамовъ сообщаетъ, что въ библіотекѣ тобольской архіерейской ризницѣ до сего времени хранятся нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ архіеп. Герасиму. «Весьма примѣчательна, говоритъ онъ, рукописная книга, писанная полууставомъ: «Алфавитъ неудобо разумѣваемыхъ рѣчей, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ словенскаго языка». Она раздѣляется на двѣ части: въ первой грамматика, во второй алфавитъ словъ арабскихъ, армянскихъ, греческихъ, еврейскихъ, египетскихъ, ефіопскихъ, иверскихъ, индійскихъ, польскихъ и проч. и проч., съ изъясненіемъ русскимъ. По нижнимъ полямъ in-fol. рукою преосвященнаго Герасима сдѣлана красивая и твердая надпись: «Сія книга, глаголемая алфавитъ, сибирскаго архіеп. Герасима 1645 г.». Тамъ же въ библіотекѣ ризницы находятся слѣдующія книги, относящіяся ко времени сего преосвященнаго: «четвероевангеліе толковое св. Іоанна Златоуста, напечатанное въ Москвѣ 1640 года; Бесѣды св. Іоанна Златоуста на евангеліе Іоанна, печат. въ Москвѣ 1645 г.; Толкованіе на четыре евангелиста Ѳеофилакта архіеп. Болгарскаго, печат. въ Москвѣ 1649 г.» [1]). Къ этому добавимъ и мы съ свой стороны, что самыя отписки Герасима къ царю и патріарху свидѣтельствуютъ о его образованіи: онѣ писаны хорошимъ тогдашнимъ русскимъ языкомъ и очень толково изложены.

Посвященный въ санъ архіепископа въ 1640 г. 31 мая Герасимъ скоро отправился на мѣсто новаго служенія. Упомянутый Абрамовъ говоритъ, что этотъ архіепископъ «при отправленіи въ Сибирь взялъ съ собою изъ новгородской епархіи нѣсколько ученыхъ монаховъ, какъ для проповѣди Слова Божія инородцамъ, такъ и для обученія юношества и приготовленія священно и церковно-служителей...» Но это не болѣе—какъ вымыслъ писателя, которому нечего сказать! Изъ одной царской грамоты оказывается, что съ нимъ ѣхали въ Тобольскъ только дворовые люди, въ числѣ коихъ были его близкіе родственники, которые, какъ увидимъ скоро, играли

[1]) Ibid. стр. 61—62.

важную роль въ хозяйственной дѣятельности четвертаго сибирскаго архіепископа [1]).

Герасимъ ѣхалъ въ Сибирь не съ пустыми руками: «на поставленье ему дано съ казеннаго двора на царское мѣсто и патріаршее мѣсто бархатовъ и суконъ по казенной цѣнѣ на 69 руб. 78 коп., да изъ сибирскаго приказа въ займы 1000 р.» [2]). Путь его въ Сибирь лежалъ чрезъ Коломну, Переяславль Р., Касимовъ, Муромъ, Н. Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, Казань, Лашевъ и Соликамскъ; этотъ путь онъ совершалъ по рѣкамъ на стругѣ «съ чердакомъ, кровлей и передѣлами...», а отъ Соликамска Герасиму велѣно ѣхать сухимъ путемъ до самаго Тобольска. Судя по тому, что Герасимъ прибылъ къ Тобольску 31 дек. 1640 г., а выѣхалъ изъ Москвы еще въ то время, когда былъ водяной путь, можно сказать, что путешествіе его было слишкомъ продолжительно.

1-го января 1641 года Герасимъ торжественно вошелъ въ Тобольскъ и въ тотъ же день, какъ онъ самъ писалъ царю, «въ соборной церкви С. Пр. Б. молебны пѣлъ, воду святилъ, литургію служилъ со всѣмъ соборомъ, молилъ Бога за царя, царицу... и пр.» [3]).

Съ первыхъ же дней своей жизни въ Тобольскѣ архіепископъ Герасимъ началъ усиленно заниматься хозяйственными дѣлами софійскаго дома. Изъ переписныхъ книгъ «софійской домовой и архіепископской казны и всякому домовому строенію и въ софійскихъ вотчинахъ казны и всякаго строенія», подписанныхъ самимъ Нектаріемъ и врученныхъ Герасиму видно, что архіепископское хозяйство послѣ Нектарія находилось въ блестящемъ состояніи. Въ виду постоянныхъ жалобъ Герасима на нищету софійскаго дома, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ данными указанныхъ переписныхъ книгъ. Нектарій оставилъ своему преемнику: 3 мантіи, 3 шубы, 2 ряски, 2 свитки, 4 шапки, 3 клобука, 200 ар. разныхъ матерій—бархату, атласу, сукна и холста, пять ков-

---

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр. Разб. Ст. № 307.
[2]) Ibid. Разб. Ст. № 310.
[3]) Ibid. № 309.

ровъ, два дорогихъ полстя, нѣсколько паръ сафьянныхъ и телячьихъ башмаковъ и сапогъ, 50 золотыхъ, 4 цѣвки золота, 6 цѣвокъ серебра, разныхъ сосудовъ серебряныхъ 12, два жемчужныхъ ожерелья—мужское и женское, двое часовъ желѣзныхъ съ боемъ, 65 серебр. пуговицъ, разной домовой утвари мѣдной, оловянной и деревянной—654 предмета, въ числѣ этихъ предметовъ, между прочимъ, упомянуто 56 «скородокъ», т. е. сковородокъ, 33 скатерти и, кромѣ того, «всякой иной мѣдной и желѣзной дворовой посуды»; голову сахару и много разныхъ пряностей и зелей; 20 осетровъ, 9 щукъ вяленыхъ и 2000 свѣжихъ, 1000 карасей, 20 нельмъ и четверть сухихъ снѣдковъ; бочку вина ренскаго, $1^1/_2$ бочки пива прѣснаго и простаго, бочку меду кислаго въ 43 ведра, 150 пудовъ меду прѣснаго, три пуда воску, одиннадцать пудовъ хмелю и 400 п. соли; разнаго хлѣба въ житницахъ 3858 четв.; коней 29, жеребцовъ 12, кобылицъ 20, три жеребенка, 17 коровъ, два быка и 14 телятъ. Да кромѣ всего этого Нектарій оставилъ 756 ссудныхъ и заемныхъ кабалъ и памятей на пашенныхъ крестьянъ и всякихъ людей, по которымъ Герасимъ могъ взыскать—денегъ 1906 р. и хлѣба 2323 ч. «А денегъ, читаемъ въ переписныхъ книгахъ, ничего не написано—всѣ вышли въ расходъ на домовое мельничное строеніе и на пашенныхъ крестьянъ» [1]). Прибавьте еще къ этому, что по переписнымъ книгамъ послѣ Нектарія за софійскимъ домомъ значилось тысячи десятинъ земли и 427 крестьянъ и вы увидите насколько основательны жалобы архіеп. Герасима на бѣдность софійскаго дома.

Тѣмъ не менѣе, чрезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія въ Тобольскъ, этотъ архіепископъ послалъ въ Москву протопопа Андрея со святою водою и съ просфорами и съ челобитною «о многихъ софійскихъ домовыхъ нуждахъ». Но царь Михаилъ Ѳедоровичъ, имѣя подъ руками упомянутыя переписныя книги, съ недовѣріемъ отнесся къ жалобамъ сибирскаго архіепископа на нужды и отвѣтилъ на нихъ молчаніемъ. До насъ дошла челобитная протопопа Андрея, въ ко-

[1]) А. М. Ю. Сиб. пр. Разб. ст. № 17.

торой онъ писалъ, что его уже высылаютъ изъ Москвы въ Тобольскъ, а между тѣмъ государева указа на отписку государева богомольца Герасима о многихъ нуждахъ нѣтъ никакого [1]). Этого указа и не послѣдовало и посолъ Герасима возвратился въ Тобольскъ ни съ чѣмъ. За то послана была къ тобольскому воеводѣ совершенно неожиданная для софійскаго дома царская грамота, которою предписывалось взыскать съ Герасима не только заемныя деньги 1000 р., но и за стругъ 39 р. 75 к. и за бархаты и сукна 69 р. 80 коп., которыя даны Герасиму «на поставленьѣ» на государево и патріаршее мѣсто [2]). Это была первая непріятность, послѣдовавшая изъ Москвы для четвертаго сибирскаго архіепископа. Но Московское правительство, кажется, забыло или думало, что софійскій домъ забылъ его собственный долгъ: въ 1639 г. при Нектаріѣ во время страшнаго неурожая въ Сибири, правительство заняло у софійскаго дома 1500 четвер. ржи и 500 ч. хлѣба на жалованье служилымъ людямъ. Объ этомъ долгѣ узналъ Герасимъ, и въ отвѣтъ на царскую грамоту послалъ въ Москву челобитную, въ которой, жалуясь на нищету софійскаго дома, просилъ тѣ заемныя деньги зачесть за хлѣбъ, взятый въ займы казною при архіеп. Нектаріѣ. «А мнѣ, писалъ Герасимъ, платить тѣхъ денегъ нечѣмъ, потому что въ софійской казнѣ послѣ Нектарія денегъ ничего не осталось. Доходы же съ городовъ, остроговъ и съ слободъ собираются въ софійскую казну малые—всего въ годъ дани только 161 р. и тѣхъ денегъ съ великою скудостью едва ставится на домовые расходы» [3]). Эта челобитная была уважена, хотя и невполнѣ: тобольскимъ воеводамъ велѣно зачесть архіепископу Герасиму, за заемныя въ Москвѣ деньги хлѣбъ, занятый у Нектарія, разсчитывая четверть ржи по 60 к. и овесъ по 22 к.—всего 1000 р., а остальные 112 р. взять съ Герасима по прежнему указу [4]). Затѣмъ непріятности для софійскаго дома шли одна за другою: изъ

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст. № 312.
[2]) Ibid. № 310.
[3]) Ibid. № 316.
[4]) Ibid. № 319.

Москвы одинъ за другимъ присылались въ Тобольскъ указы, которыми наносились самые существенные удары хозяйственнымъ стремленіямъ новаго сибирскаго архіепископа. Въ 1641 году Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ, чтобы съ 1642 г. хлѣбной руги не давать софійскому дому, а пусть архіепископъ «строится своею пашней». Но еще большее значеніе для софійскаго хозяйства имѣло то распоряженіе правительства, которымъ велѣно было воеводамъ отобрать на государя разныхъ софійскихъ закладчиковъ. Еще въ концѣ 1639 г. туринскіе и посадскіе люди и пашенные крестьяне били челомъ Михаилу Ѳедоровичу, «что въ туринскомъ острогѣ и въ туринскомъ уѣздѣ живутъ на государевой землѣ архіепископскіе закладчики—6 человѣкъ съ женами и дѣтьми; пашутъ на себя пашню, косятъ сѣно, а государевыхъ людей тѣснятъ и съ своихъ дворовъ и пашенъ денежнаго оброку и выдѣльнаго хлѣба въ государеву казну не платятъ». Въ заключеніи челобитной просили, чтобы эти закладчики «тянули» вмѣстѣ съ ними всякія государевы подати. Въ отвѣтъ на эту челобитную въ концѣ 1640 г. присланъ туринскому воеводѣ указъ, которымъ велѣно тѣхъ закладчиковъ отписать на государя и впредь тѣмъ, которые живутъ на посадахъ, ни чьими закладчиками не называться. Вѣроятно, узнавъ объ этомъ указѣ, и тобольскіе посадскіе люди жаловались на 14 человѣкъ софійскихъ закладчиковъ, что послѣдніе живутъ въ Тобольскѣ на государевой землѣ, торгуютъ въ своихъ лавкахъ и на площади, промышляютъ всякими промыслами, а съ ними съ посадскими людьми никакихъ государевыхъ службъ не служатъ и оброку въ казну не платятъ, и затѣмъ тобольскіе челобитчики просили того же, что и туринскіе. Изъ этихъ челобитныхъ, между прочимъ, видно, что положеніе архіепископскихъ закладчиковъ было очень выгодное: заплативши въ домъ Софіи Премудрости Божіей небольшой оброкъ, они уже были свободны отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей. Однако не всегда было такъ, не всѣ архіепископы довольствовались отъ своихъ закладчиковъ однимъ оброкомъ: Герасимъ, отличавшійся особенною страстью къ стяжанію, требовалъ отъ нихъ и другихъ повинностей и смотрѣлъ на

софійскихъ закладчиковъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ людей. Тѣ же тобольскіе архіепископскіе закладчики 14 человѣкъ, о которыхъ упоминается въ челобитной посадскихъ людей, въ концѣ 1641 г. подали царю Михаилу Ѳедоровичу на Герасима слѣдующую жалобу. Упомянувъ въ ней о томъ, что «одни изъ нихъ жаловались за Макарія, а другіе за Нектарія, чтобы они заступались за нихъ во всякихъ обидахъ», челобитчики пишутъ: «Се нынѣ стало невозможнымъ жить за архіепископомъ, притѣсненія и налоги великіе, какъ отъ самаго архіепископа, такъ и его дворовыхъ людей: дѣтей нашихъ берутъ насильно къ себѣ во дворъ, дочерей нашихъ насильно выдаютъ замужъ за своихъ пашенныхъ крестьянъ, а за твоихъ государевыхъ людей отдавать не велятъ, накладываютъ на насъ сиротъ налоги не вмѣру, заставляютъ насильно пахать свои пашни, архіепископъ торговать не велитъ и изъ Тобольска не пускаетъ, а мы люди торговые, а не пашенные.... и отъ тѣхъ притѣсненій, государь, одинъ изъ нашей братіи сбѣжалъ, бросивъ жену и дѣтей, другой, Михалко огородникъ, отъ его мученья удавился, и одного закладчика жена отъ его же архіепископскаго мученья удавилась...» Въ заключеніе этой жалобы закладчики просили жить за государемъ и вмѣстѣ съ посадскими людьми «тянуть службу и тягло». Что въ этой челобитной нѣтъ преувеличиваній, мы не сомнѣваемся: только жестокія притѣсненія Герасима могли заставить закладчиковъ желать измѣненія своего положенія, потому что вообще закладчикамъ и крестьянамъ какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, за софійскимъ домомъ и за монастырями жилось лучше, чѣмъ за государемъ. Воеводы сибирскіе не разъ отписывали царю, что съ Сольвычегодска, Соликамска и др. городовъ приходятъ въ Сибирь крестьяне съ женами и дѣтьми, селятся на государевой землѣ, но сейчасъ же закладываются за архіепископскій софійскій домъ, за монастыри и боярскихъ дѣтей, а на государя пашни не пашутъ и никакихъ податей не платятъ.

Вслѣдствіе приведенной выше челобитной, тобольскому воеводѣ присланъ государевъ указъ, которымъ велѣно тѣхъ закладчиковъ взять въ посадъ и быть имъ за государемъ и вмѣ-

стѣ съ тобольскими посадскими людьми платить казенныя подати и служить всякія государевы службы. Такимъ образомъ софійскій домъ при Герасимѣ лишился 20 закладчиковъ. Но этотъ архіепископъ съ необыкновенной энергіей стремился къ расширенію софійскаго хозяйства и былъ настолько найсточивъ въ своихъ стремленіяхъ, что могъ побороть всякія въ хозяйственныхъ дѣлахъ препятствія—откуда не шли бы послѣднія. Указъ объ отобраніи софійскихъ закладчиковъ подалъ ему поводъ послать Михаилу Ѳедоровичу одну за другой двѣ самыхъ слезныхъ челобитныхъ. Въ одной изъ нихъ Герасимъ писалъ, что ему и его дворовымъ людямъ съ 1642 г. не указано давать хлѣбнаго жалованья, а велѣно заводить свои пашни; но ему заводить пашенъ некѣмъ и нечѣмъ, такъ какъ у него взято въ Тобольскѣ 14 человѣкъ и въ Туринскѣ 6 человѣкъ. Государь смиловался и велѣлъ выдать софійскому дому хлѣбную ругу и послѣ 1642 г. въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ другой челобитной Герасимъ просилъ, чтобъ государь возвратилъ въ домъ Софіи Премудрости Божіей вышеупомянутыхъ туринскихъ и тобольскихъ закладчиковъ, «чтобъ софійская домовая пашня не залегла, домъ Софіи Премудрости Божіей не оскудѣлъ и чтобъ дворовые люди *отъ голода не разбрелись врозь*». Чѣмъ кончилось дѣло о закладчикахъ, мы не знаемъ. Въ одномъ докладѣ, поданномъ Алексѣю Михайловичу, сказано: «велѣно тѣхъ закладчиковъ взять на государя, но взяты-ль, того неизвѣстно». Вообще религіозный Михаилъ Ѳедоровичъ слишкомъ снисходительно относился къ своимъ сибирскимъ богомольцамъ и если иногда издавалъ указы, запрещающіе софійскому дому увеличивать число крестьянъ и количество поземельной собственности, то по первой же челобитной сибирскаго архіепископа немедленно измѣнялъ оные. Это ясно будетъ видно, если мы обратимся къ хозяйственной дѣятельности архіепископа Герасима. Въ 1641 г. тюменскаго Преображенскаго монастыря черный попъ съ братіей дали вкладъ въ домъ Софіи Премудрости Божіей свою заимку, находящуюся въ тюменскомъ уѣздѣ, по нижнему теченію Туры, за Щучьимъ озеромъ и за рѣчкой Терентьевой, впадающей въ Туру,—заимку въ 150 десятинъ пахотной зем-

ли и на 500 копенъ сѣнныхъ покосовъ. По распоряженію тобольскаго воеводы, эти земли были отведены софійскому дому, какъ того желали вкладчики и записаны въ книги. Тогда Герасимъ билъ челомъ государю объ утвержденіи въ правахъ владѣнія тою заимкою. Но въ Москвѣ посмотрѣли на эту уступку иначе, чѣмъ тобольскій воевода. Михаилъ Ѳедоровичъ, выслушавъ о ней докладъ, рѣшилъ, что Герасимъ «то дѣлаетъ не по дѣлу, что хочетъ имать въ софійскій домъ монастырскія земли—вкладъ, ему владѣть тѣми землями, какими владѣли прежніе архіепископы, а до монастырскихъ земель ему нѣтъ никакого дѣла». На основаніи этого рѣшенія послана (въ 1643 г.) тобольскому воеводѣ грамота, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не отдавалъ вышеупомянутыхъ земель въ домъ Софіи Премудрости Божіей и впередъ «*смотрѣлъ бы накрѣпко, чтобъ никто никакихъ земель архіепископу вновь не давалъ и архіепископъ бы ничьихъ земель вновь не захватывалъ*». Очевидно, правительство поняло, что софійскимъ домомъ просто овладѣла страсть къ стяжанію, къ увеличенію земель безъ всякой надобности; ибо и безъ этой заимки за домомъ Софіи Премудрости Божіей числилось по переписнымъ книгамъ громадное количество поземельной собственности—нѣсколько тысячъ четей. Это—первый указъ, ограничивающій права сибирскихъ архіепископовъ на расширеніе софійскихъ владѣній въ Сибири. Но это ограниченіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, было только на бумагѣ, а не на дѣлѣ.

Вѣроятно, Герасимъ предвидѣлъ подобный исходъ дѣла въ Москвѣ и, не дожидая онаго, постарался разными средствами укрѣпить за софійскимъ домомъ право владѣнія вкладомъ Преображенскаго монастыря: въ 1642 г. онъ поселилъ на тѣхъ земляхъ 20 семействъ софійскихъ крестьянъ, построилъ тамъ острожекъ и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Узнавъ же о царской грамотѣ, Герасимъ немедленно, именно въ августѣ 1643 г., послалъ Михаилу Ѳедоровичу челобитную, въ которой, ссылаясь на поселеніе въ новомъ селѣ крестьянъ и на постройку тамъ «государева богомолья», просилъ дать грамоту за красною печатью, чтобъ та земля была крѣпка за софійскимъ домомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же

челобитной Герасимъ просилъ, чтобъ и на будущее время государь велѣлъ отводить въ домъ Софіи Премудрости Божіей тѣ земли, какія онъ пріищетъ, такъ какъ прежней за софійскимъ домомъ мало (?!) и его дворовымъ людямъ хлѣба пахать негдѣ. И что же? Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ и указалъ (въ окт. 1643 г.) тобольскому воеводѣ не отнимать у софійскихъ богомольцевъ уступленныхъ тюменскимъ монастыремъ земель, потому что тамъ уже стоитъ «государево богомолье храмъ Покрова Пресвятой Бородицы». Таково было начало и таковы были обстоятельства, сопровождавшія основаніе на лѣвомъ берегу Туры, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ Тоболъ, слободы Покровской.

Не смотря на царское запрещеніе софійскому дому впредь не увеличивать земель «нѣкоторыми дѣлы», подъ Покровскую слободу отведенъ новый значительный кусокъ земли. Въ 1644 году архіепископъ Герасимъ билъ челомъ государю, что въ 1645 г. государеву богомолью—софійскому дому не велѣно давать хлѣбнаго жалованья и онъ, архіепископъ, теперь заводитъ пашню, чѣмъ бы ему и его дворовымъ людямъ прокормиться и не умереть съ голоду, а подъ Покровскимъ селомъ уступленной тюменскимъ Преображенскимъ монастыремъ земли мало и новыхъ крестьянъ посадить негдѣ. Вслѣдствіе этого Герасимъ просилъ отвести къ этому селу земли и сѣнные покосы, которые лежатъ внизъ по Тоболу, по рѣчкѣ Усалкѣ и по рѣчкѣ Искѣ на обѣ стороны. Государь пожаловалъ. Но въ то же время (дек. 1644 г.) тобольскому воеводѣ послана подтвердительная грамота, чтобы впредь Софійскій въ домъ и въ сибирскіе монастыри ни русскіе, ни татары, ни остяки никакихъ земель, сѣнныхъ покосовъ и угодій не давали, а какія земли, послѣ этого указа, найдутся за сибирскимъ архіепископомъ, или за сибирскими монастырями городовъ тобольскаго разряда, то отбирать на государя безповоротно и безденежно, и чтобъ тобольскій воевода и другіе воеводы смотрѣли за этимъ «крѣпко на крѣпко». Однако Герасимъ нисколько не смутился и подтвердительнымъ указомъ: онъ привыкъ уже считать такія запрещенія мертвой буквой и зналъ, что слезныя челобитныя отъ «софійскаго государева

богомолья» имѣютъ большое вліяніе на религіозныхъ московскихъ государей. Въ слѣдующемъ году едва только Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, какъ Герасимъ билъ ему челомъ, что земля Усть-Ницынской слободы выпахалась, а смежная съ ней земля за р. Моставою около 300 десятинъ пустая и въ дачахъ ни за кѣмъ не была и просилъ отвести въ домъ Софіи Премудрости Божіей эту землю. И государь пожаловалъ и въ то время послалъ указъ, чтобы впредь и т. д. [1]).

Вообще за софійскимъ тобольскимъ домомъ нужно признать большое колонизаціонное значеніе; онъ былъ самымъ энергичнымъ факторомъ въ исторіи заселенія Сибири: Въ какихъ-нибудь 25 лѣтъ послѣ своего основанія этотъ домъ построилъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько слободъ и деревень и населилъ ихъ крестьянами. Правительство уже вступаетъ въ борьбу съ нимъ: ограничиваетъ его право относительно увеличенія земельной собственности и крестьянъ, приказываетъ воеводамъ отбирать отъ софійскаго дома лишнія земли и лишнихъ крестьянъ на государя «безповоротно и безденежно». И тѣмъ не менѣе и при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ софійскій домъ, благодаря энергіи архіепископовъ, дѣлаетъ новыя заимки, увеличиваетъ годъ отъ году число крестьянъ и находитъ средства укрѣплять за собою пріобрѣтенія, сдѣланныя противъ самыхъ строгихъ царскихъ указовъ. Не всегда эти указы, однако, оставались мертвой буквой: во второй половинѣ 17 в. два раза самимъ дѣломъ отбирались на государя крестьяне, какъ отъ софійскаго дома, такъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ монастырей. Но уже самый фактъ, что правительству приходилось силой выгонять крестьянъ изъ архіепископскихъ владѣній и сажать ихъ на земляхъ государевыхъ указывать на то, насколько было лучше крестьянамъ жить за софійскимъ домомъ, чѣмъ за государемъ. Мы не нашли переписныхъ книгъ вотчинъ софійскаго дома послѣ Герасима, но судя по его энергичной и настойчивой хозяйственной дѣятельности, можно сказать, что въ дѣлѣ развитія софійскаго хозяйства четвертому сибирскому архіепископу принадлежитъ выдающаяся роль.

---

[1]) См. наше изслѣд. Заселеніе Сибири... стр. 130—135.

Не мало печали и заботъ причинилъ Герасиму пожаръ въ Тобольскѣ въ 1643 г. Съ 13 на 14 августа загорѣлась нагорная часть города и жертвою этого пожара сдѣлались, между прочимъ, софійскій домъ, соборная и двѣ другія церкви, бывшія на архіепископскомъ дворѣ. Герасимъ переѣхалъ жить въ Знаменскій монастырь и началъ заботиться о постройкѣ новаго собора и новаго архіепископскаго дома. Еще въ 1644 г. тобольскому воеводѣ князю Гр. Куракину прислана была грамота отъ Михаила Ѳедоровича, которою велѣно «въ Тобольскѣ послѣ пожарнаго времени воздвигнуть соборную церковь Софіи Премудрости Божіей на старомъ мѣстѣ и въ такую же мѣру, какова была и прежняя церковь, а деньги за лѣсъ и плотникамъ давать изъ казенныхъ тобольскихъ доходовъ» [1]). Изъ того же документа видно, что соборная церковь была заложена именно при воеводѣ Куракинѣ и не позже 1645 г., такъ какъ этотъ воевода въ генв. 1646 г. уже уѣхалъ изъ Тобольска. Поэтому лѣтописецъ сибирскій, на которомъ и основывается Н. Абрамовъ, совершенно несправедливо записалъ, что новый соборъ Софіи Премудрости Божіей заложенъ только 24 мая 1646 г. [2]). Соборъ строился долго, болѣе четырехъ лѣтъ и освященъ только 13 авг. 1648 г.; одновременно съ нимъ началась постройка и архіепископскаго дома, но когда она окончена—мы этого не знаемъ. Новый соборъ имѣлъ два предѣла и 13 главъ, а величина его, вѣроятно, была такая же, какъ и прежняго, построеннаго Кипріаномъ, но мѣсто для него выбрано иное, вопреки царской грамотѣ 1644 г. Воевода Гагаринъ и архіепископъ Герасимъ въ 1646 г. отписывали въ Москву, что новая церковь Софіи Премудрости Божіей заложена на томъ мѣстѣ, гдѣ до пожара находилась церковь Спаса Нерукотвореннаго; «а на прежнемъ церковномъ мѣстѣ той соборной церкви поставить было нельзя за тѣснотою и потому, что съ прежняго мѣста не было выходу къ площади» ...

Дальнѣйшія наши свѣдѣнія о четвертомъ сибирскомъ архі-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 246, л. 279.

[2]) Странникъ 1866 г. авг., стр. 31; Др. Рос. Вивл. ч. III, стр. 173.

епископѣ касаются уже его отношеній къ тобольскимъ воеводамъ, софійскимъ дворовымъ людямъ и т. п. Предъ нами лежитъ нѣсколько документовъ изъ Сибирскаго приказа—царскія грамоты, отписки самого Герасима, извѣты на него разныхъ людей; въ нихъ мы находимъ о жизни этого архіепископа интересныя свѣдѣнія, которыми и подѣлимся съ нашими читателями. На основаніи этихъ историческихъ данныхъ мы можемъ сказать, что Герасимъ не пользовался уваженіемъ тобольскаго населенія; онъ самъ не разъ жаловался царю и патріарху на вражду къ себѣ воеводъ, софійскихъ дворовыхъ людей, старцевъ и тобольскихъ жильцевъ. И нужно замѣтить, что причины этой вражды въ значительной степени лежали въ самомъ архіепископѣ. Несомнѣнно—Герасимъ былъ человѣкомъ жестокаго нрава. Мы выше упоминали о жалобѣ софійскихъ закладчиковъ на жестокости Герасима, послѣдствіемъ чего были даже самоубійства нѣкоторыхъ изъ нихъ, и высказали основанія—почему этой жалобѣ слѣдуетъ вѣрить. Другіе документы подтверждаютъ тоже самое. Напр. протодьяконъ соборной церкви Матвѣй Мартыновъ, тотъ самый, который написалъ св. икону Абалакской Божіей Матери, за обмолвку при произнесеніи многолѣтія государю былъ посаженъ Герасимомъ на цѣпь въ мукосѣйню и только по случаю дня ангела царя Алексѣя Михайловича былъ наконецъ помилованъ. Это наказаніе нужно считать слишкомъ жестокимъ, именно потому, что протодьякону Матвѣю, какъ отписывалъ царю самъ Герасимъ, въ это время было болѣе 80 лѣтъ и такому дряхлому старику естественно было сдѣлать обмолвку—произнести на многолѣтіи вмѣсто имени царя Алексѣя, имя покойнаго государя. На жестокость Герасима жаловались софійскіе дворовые люди и даже сами воеводы. Григорій Куракинъ съ товарищами предъ самымъ отъѣздомъ изъ Тобольска послалъ царю двѣ челобитныхъ, въ которыхъ жаловался на поведеніе архіеп. Герасима. Мы не нашли этихъ документовъ въ архивѣ, но о смыслѣ жалобъ воеводъ можно судить по челобитнымъ царю самого архіепископа. Въ одной изъ нихъ Герасимъ, упомянувъ о «доводныхъ воровскихъ статьяхъ», которыя на него взводятъ, замѣчаетъ: «а я твой,

государевъ богомолецъ, и въ молодыхъ лѣтахъ будучи и въ мірѣ живучи никакихъ воровскихъ статей не держался и не за какимъ дурномъ не хаживалъ, а теперь, государь, уже къ старости приближаюсь, такъ какое мнѣ дурно дѣлать, или помыслить про тебя государя, или какое иное безчиніе заводить?...» Далѣе Герасимъ пишетъ, что онъ уже пятый годъ терпитъ въ Сибири всякое безчестіе и позоръ отъ разныхъ крамольниковъ и если до сего времени не билъ челомъ государю на тѣхъ воровъ, то надѣялся, что они укротятся и перестанутъ сочинять «воровскіе злые заводы»; между тѣмъ они еще больше прежняго вооружились противъ него и всячески позорятъ, безчестятъ и напрасно оглашаютъ... Теперь «терпѣніе стало уже не въ мѣру: по вся дни отъ ихъ воровскихъ умысловъ угрозъ зѣло стражду и мучусь въ великой скорби и печали: земля дальняя, а люди, государь, своеобычные и тяжкосердые — все ссыльные, стражду отъ нихъ аки овца посреди волковъ...»[1]). На эту челобитную государь отвѣчалъ, что Герасимъ не упоминаетъ именъ тѣхъ, которые его безчестятъ, не упоминаетъ ихъ воровскихъ дѣлъ и преступленій и когда онъ объ этомъ напишетъ, то на этотъ счетъ будетъ указъ...[2]). Изъ другой челобитной Герасима видно, что воеводы жаловались царю на его «жестокое смиреніе» разныхъ чиновъ людей. Въ оправданіе свое этотъ архіепископъ пишетъ: «никому, государь, отъ меня, твоего государева богомольца, жестокаго смиренія не бываетъ, никого ничѣмъ я не оскорбляю: а если и доводится кого посмирить за неистовство, да и то съ пощадою, а не жесточно...» Писались на Герасима и иного рода извѣты. Такъ чернецъ Герасимъ обвинялъ архіепископа въ томъ, что онъ мирволитъ нѣкоторымъ своимъ дворовымъ людямъ и особенно родственникамъ, которые, опираясь на его высокое покровительство, дѣлаютъ всякія беззаконія: родной братъ Герасима, Гаврило Черницынъ билъ чернаго дьякона Андріана «пинками и ослопами» за то, что зналъ про духовныя дѣла Герасима; пле-

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Столб. № 139, л. 269.
[2]) Ibid. л. 723.

мянники архіепископскіе—дьякъ его Иванъ Манзинъ (Мильзинъ вѣрнѣе), да Гавриловъ сынъ Степанъ Черницынъ безпрестанно курятъ у себя вино и продаютъ его всякимъ людямъ; дворовый человѣкъ Андрюшка Хлепня держитъ у себя табакъ, самъ пьетъ (куритъ) его и продаетъ другимъ; архіепископскіе дворовые люди Алешка Нѣмой, да Васька Соснинъ покрали въ Знаменскомъ монастырѣ монастырскую казну и съ тою кражей были пойманы, но старцы Знаменскаго монастыря, опасаясь архіепископа, тѣхъ воровъ въ съѣзжую избу не водили... «А тѣхъ воровъ архіепископъ взялъ къ себѣ,—Ваську Соснина назвалъ себѣ сыномъ и поставилъ его дьякономъ, а другаго вора Алешку держитъ у себя въ хлѣбнѣ и никакого наказанія имъ не учинилъ... да и другіе архіепископскіе дворовые люди воровали на посадѣ въ Тобольскѣ въ разныхъ мѣстахъ, а онъ Герасимъ, вѣдая ихъ воровство, потакаетъ имъ въ томъ и за нихъ стоитъ...» [1]). Дѣйствительно Герасимъ прибылъ въ Тобольскъ не одинъ, а съ цѣлымъ родомъ—и племенемъ и, можетъ быть, въ этомъ, помимо личныхъ недостатковъ, заключалось его несчастіе: его родственники были люди жадные и не брезгали никакими средствами, чтобы нажиться. Герасимъ не могъ быть строгимъ и справедливымъ къ нимъ: онъ жилъ на чужой сторонѣ посреди людей, по его выраженію, «своеобычныхъ и жестокосердыхъ», нуждался въ ихъ поддержкѣ въ разныхъ дѣлахъ, а они, опираясь на его защиту, злоупотребляли своимъ положеніемъ, притѣсняли другихъ и вели разгульную жизнь. И если Герасимъ, какъ мы видѣли, отличался страстью къ стяжанію, то очевидно—ему было для кого собирать богатство. За то несомнѣнно, что родственники Герасима своимъ поведеніемъ въ значительной степени подрывали его нравственный авторитетъ и возбуждали противъ него гнѣвъ у другихъ жителей Тобольска. Правою рукой у этого архіепископа былъ его племянникъ Ивашка Мильзинъ: онъ завѣдывалъ всѣми хозяйственными дѣлами и дворовыми людьми и былъ дьякомъ въ архіепископскомъ приказѣ. Но что за че-

[1]) А. М. Ю. Спб. Пр. Ст. № 139, лл. 481—484.

ловѣкъ Мильзинъ? Объ этомъ мы можемъ судить по одной челобитной къ царю преемника Герасима, архіеп. Симеона. Нужно замѣтить, что послѣ смерти Герасима, Тобольская каѳедра оставалась незанятою полтора года и во все это время Мильзинъ управлялъ архіепископскимъ софійскимъ домомъ. Когда же прибылъ въ Тобольскъ Симеонъ, то онъ нашелъ домъ Софіи Премудрости Божіей совершенно ограбленнымъ: «хлѣбъ всякій, жаловался Алексѣю Михайловичу Симеонъ, медъ прѣсный и вино горячее, всякія питья и всякую посуду разносилъ къ себѣ и съ племенемъ и друзьями всякимъ софійскимъ добромъ дѣлился; да кромѣ того онъ Мильзинъ приходилъ съ друзьями и племенемъ, съ женами въ архіепископскій домъ, пили, ѣли и прохлаждались въ архіепископскихъ кельяхъ и вслѣдствіе этого такъ разорилъ софійскій домъ, что я, богомолецъ твой, по пріѣздѣ въ Тобольскъ не нашелъ никакой посуды ни въ кельяхъ, ни въ поварнѣ и нечѣмъ было воды зачерпнуть, а денегъ въ казнѣ не осталось ни одной деньги...» [1]).

Мы привели историческія свѣдѣнія далеко не въ пользу Герасима и которыя рисуютъ его съ дурной стороны. Правда, къ извѣтамъ на сибирскихъ архіепископовъ нужно относиться осторожно и критически: эти документы въ большинствѣ случаевъ и малой доли не заключаютъ въ себѣ правды. Но если мы иначе относимся къ извѣтамъ на Герасима, то, между прочимъ, и потому, что имъ вѣрили и царь и патріархъ. Получивъ вышеупомянутыя отписки тобольскихъ воеводъ о поведеніи Герасима, патріархъ Іосифъ, по повелѣнію Алексѣя Михайловича, писалъ къ этому архіепископу, чтобы онъ «впредь отъ такого дурна унялся». Значитъ, въ Москвѣ вѣрили въ «неистовое поведеніе» Герасима, если сочли нужнымъ дѣлать ему такое рѣзкое замѣчаніе! Между тѣмъ какъ извѣты на другихъ архіепископовъ большею частію кончались тѣмъ, что правительство выдавало имъ этихъ извѣтчиковъ головою. По всему видно, что Герасимъ не пользовался уваженіемъ такъ же и въ Москвѣ, какъ и въ Тобольскѣ: его предшественники часто получали отъ царя и патріарха на-

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 100.

грады и подарки въ видѣ драгоцѣнныхъ панагій и крестовъ, мантій, рясъ, шубъ и т. п., но Герасима въ этомъ отношеніи совершенно обходили.

По поводу грамоты патріарха Іосифа, Герасимъ написалъ царю Алексѣю Михайловичу объясненіе; оно очень пространно, а потому мы приведемъ здѣсь только болѣе интересныя мѣста изъ него. Сначала Герасимъ говоритъ о причинахъ ссоры его съ воеводами: послѣдніе ради своей бездѣльной корысти начали вмѣшиваться въ духовныя архіепископскія дѣла, а онъ за это укорялъ ихъ, говорилъ имъ, что они дѣлаютъ то «насильствомъ» противъ царскихъ указовъ, а воеводы на такіе указы отвѣчали жалобами царю на неистовое житье архіепископа. «А мое грѣшное житье, пишетъ Герасимъ, извѣстно всему софійскому собору и софійскимъ дворовымъ людямъ... Не мною то, государь, грѣшнымъ началось и не мною кончится, что злокозненный врагъ супостатъ душъ нашихъ изначала и безпрестанно воюетъ на христіанскій родъ, а паче же на нашъ духовный чинъ своими злокозненными различными ухищреніями и ни одинъ архіепископъ въ Сибири отъ такихъ воровъ и крамольниковъ и ложныхъ извѣтчиковъ не пробылъ безъ позору и безъ оглашенія...» Затѣмъ Герасимъ говоритъ, что писались такіе извѣты на Кипріана и на Нектарія, а если на Макарія они не извѣщали своихъ ложныхъ заводовъ, такъ потому, что не смѣли: «боялись большаго страху и жестокаго наказанія блаженной памяти отца твоего Мих. Ѳед. и дѣда твоего патріарха Филарета Никитича, что они государи такихъ воровъ и крамольниковъ на святительскій чинъ не попущали...». «А Нектарій архіепископъ, поживъ въ Сибири немногое время и узнавъ ихъ злонравные обычаи, воровскіе, бездѣльные и всякіе ихъ крамольные заводы, упросилъ у государя милости: по государеву жалованью уклонился отъ ихъ воровскихъ заводовъ въ монастырь на свое обѣщаніе... А такихъ, государь, воровъ и крамольниковъ и ложныхъ составщиковъ, какъ въ твоей дальней отчинѣ въ Сибири, нѣтъ нигдѣ во всей твоей государевой державѣ». Въ заключеніе этого объясненія архіеп. Герасимъ просилъ государя не вѣрить отпискамъ воеводъ, а

«про мое всякое неистовство вели, государь, сыскать въ Тобольскѣ всѣмъ священнымъ чиномъ и всякими жилецкими людьми тобольскаго города, опричь воровъ и крамольниковъ...» [1]). Но правительство равнодушно отнеслось къ этому объясненію и не дѣлало «сыска», какъ того требовалъ Герасимъ.

Слѣдуетъ также замѣтить, что архіеп. Герасимъ, страстно занятый хозяйственными дѣлами, кажется, съ небреженіемъ относился къ своимъ архіерейскимъ дѣламъ. Его предшественники то и дѣло жаловались царю на недостатокъ духовенства въ Сибири и почти ежегодно били челомъ о присылкѣ священниковъ изъ другихъ русскихъ епархій. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ со стороны Герасима. Его отписки къ царю наполнены или жалобами на воеводъ, боярскихъ дѣтей, дворовыхъ людей, или объясненіями по поводу извѣтовъ на него разныхъ лицъ, или извѣщеніями «о смиреніи» того или другого виновнаго въ духовномъ дѣлѣ тюрьмой, мукосѣйней, батогами и пр., но просьбъ о присылкѣ священниковъ совершенно не встрѣчаемъ. И не слѣдуетъ думать, что въ архіепископство Герасима Сибирь въ этомъ отношеніи была удовлетворена. Преемникъ его Симеонъ едва только прибылъ въ Тобольскъ, какъ началъ уже жаловаться на недостатокъ черныхъ и бѣлыхъ поповъ въ сибирской епархіи и просилъ выслать ихъ изъ Руси. Но и въ отпискахъ Герасима мы находимъ много интересныхъ свѣдѣній касательно нравовъ тогдашняго сибирскаго населенія. Такъ въ 1645 г. била ему челомъ «дѣвка Авдотьица на отца своего Богдашку-ссыльнаго съ Костромы посадскаго человѣка въ томъ, что тотъ отецъ ея требуетъ отъ ней, чтобъ она жила съ нимъ блуднымъ грѣхомъ и нѣсколько разъ тащилъ ее на постель и хотѣлъ изнасиловать, а въ противномъ случаѣ угрожалъ выдать ее замужъ за зернщика». Свидѣтели вполнѣ подтвердили показаніе Авдотьицы. Сообщая объ этомъ дѣлѣ патріаху, Герасимъ просилъ отъ него указа, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ съ Авдотьицей и ея виновнымъ отцомъ. Хо-

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 246, лл. 226—232.

тя это дѣло духовное, но патріархъ Іосифъ почему-то не рѣшился постановить своего рѣшенія, а отослалъ дѣло въ царскій приказъ. На оборотѣ отписки Герасима мы находимъ слѣдующее интересное рѣшеніе этого дѣла... «Сент. 8 д. по патріаршей отписки государю царю Ал. Мих. докладывалъ бояринъ и дворецкій князь А. М. Лыковъ, и того жъ дня государевымъ царевымъ... словомъ приказалъ бояринъ и князь Н. И. Одоевскій дьяку Гр. Протопопову написать къ тобольскимъ воеводамъ государеву.... грамоту и велѣть: того Богдашку за воровство и безчинство бить кнутомъ по торгамъ нещадно и послать въ тюрьму, а дочери его Авдотьицѣ дать изъ тобольскихъ казенныхъ доходовъ три рубли денегъ и выдать её замужъ, за кого она похочетъ...» [1]). Въ одной отпискѣ Герасима читаемъ слѣдующее: «Въ 1645 г. дьяконъ соборной церкви Кирилко Ивановъ хотѣлъ зарѣзать въ Тобольскѣ посадскаго человѣка Пятого, но потомъ повинился тому Пятому и написалъ своею рукою письмо, а въ письмѣ написано: память мнѣ дьякону Кирилу, что хотѣлъ зарѣзать посадскаго человѣка Пятого съ его братомъ Ортюшкою и нынѣ я дьяконъ Кирилъ его Пятого зарѣзать не хочу и впредь мнѣ дьякону на него никакого дурна недумать; то письмо дьяконово Пятой подалъ въ съѣзжую избу твоимъ гос. воеводамъ...» Вслѣдствіе жалобы Пятого тобольскіе воеводы отдали дьякона «за пристава». Но за виновнаго вступился его отецъ соликамскій священникъ Иванище Елизарьевъ и прислалъ Герасиму въ Тобольскъ грозное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «отпусти къ намъ въ Соликамскъ сына нашего Кирила, поигрался нашимъ сыномъ—да время пожаловать, знай, что и ты святитель не ангелъ и намъ Господь Богъ поможетъ и государь пожалуетъ и добрые люди вступятся, а только не отпустишь, то и тебѣ не легче будетъ нашего, *тогда и мы станемъ отданіе празднику сотворять...*» [2]). Интересна отписка Герасима относительно послѣдняго остяцкаго кодскаго князя Димитрія Алачева. Его отецъ Михаилъ,

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 1183.
[2]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 240, лл. 212—220.

сынъ Игичея, принявши христіанскую вѣру, пристроилъ въ своей вотчинѣ Кодѣ церковь во имя Живоначальной Троицы и пожертвовалъ туда разные священные сосуды и книги; на серебряномъ потирѣ была даже надпись, что серебр. сосуды даны въ церковь Ж. Тр. кн. Михаиломъ Алачевымъ 1629 г. 1-го сент. Самъ Михаилъ постоянно жилъ въ Тобольскѣ и здѣсь построилъ церковь во имя Живон. Тр.; онъ и умеръ въ этомъ городѣ. Его сынъ Димитрій, отправившись однажды въ Коду, ограбилъ тамошнюю церковь, которая долгое время оставалась безъ пѣнія за отсутствіемъ священника, а затѣмъ началъ распродавать въ Тобольскѣ разные священные сосуды и книги. Объ этомъ-то дѣлѣ и сообщаетъ царю въ своей отпискѣ архіеп. Герасимъ. «Въ нынѣш. 1644 г., писалъ Герасимъ, вѣдомо мнѣ учинилось, что князь Димитрій ограбя въ церквахъ Божіихъ отца своего церковные серебр. сосуды и служебныя книги, началъ продавать ихъ въ Тобольскѣ. Я велѣлъ ему принести то церковное строеніе къ себѣ посмотрѣть будто для купли и онъ принесъ—потиръ, три блюда, звѣзду, копіе и лжицу, да книгъ печатныхъ—12 миней, 2 октая, а тріоди—постную и цвѣтную продалъ самаровскимъ ямщикамъ. И тѣ сосуды, книги я взялъ и положилъ въ софійскую казну до твоего государева указа, а отдать ему не смѣлъ, чтобъ онъ, кн. Димитрій не осквернилъ, не продалъ бы ихъ иновѣрцамъ; русскимъ же людямъ тѣхъ серебр. сосудовъ вымѣнить некому, потому что въ Сибири люди все бѣдные и мѣста церковныя все скудныя...» На эту отписку Герасима послѣдовалъ изъ Москвы такой указъ. «Велѣно изъ Сибири кн. Димитрія Мих. Алачева съ матерью, женой и дѣтьми отпустить въ Москву, отчину его Коду отписать на государя, а пограбленные церковные сосуды и книги отослать въ Коду, въ церковь Живоначальной Троицы...»[1]. «И съ того времени, замѣчаетъ сибирскій лѣтописецъ, князь Димитрій въ Сибирь не бывалъ, въ Москвѣ и скончался, бывъ у великаго царя въ стольникахъ; а вмѣсто Коды дана ему вотчина Лена, на р. Вычегдѣ, близь Яренскаго городка»[2].

[1]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 134, л. 20—25.

[2]) Др. Росс. Вивл., ч. Ш, стр. 166.

Въ заключеніе нашей статьи о четвертомъ сибирскомъ архіепископѣ считаемъ нужнымъ еще сказать, что Герасимъ оставилъ въ Сибири память по себѣ не только книгами, принадлежавшими ему и хранящимися до сего времени въ Тобольскѣ, но и нѣкоторыми другими предметами. Этотъ архіепископъ занимался иконописаніемъ и плодомъ этихъ занятій былъ образъ Св. Николая, писанный Герасимомъ въ 1645 г., хранится до сего времени въ междугорскомъ Ивановскомъ монастырѣ. «Изъ церковныхъ и архіерейскихъ принадлежностей, оставшихся послѣ архіепископа Герасима, сообщаетъ Н. Абрамовъ, сохраняются до настоящаго времени въ тобольской архіепископской ризницѣ: потиръ и дискосъ серебряные, подъ золотомъ съ вырѣзкою на нихъ: лѣта 7156 (1648) устроенъ бысть сей святой потиръ и дискосъ во св. соборной и апостольской церковь Софіи Премудрости Божіей въ богохранимомъ градѣ Тобольскѣ, по вѣрѣ смиреннаго Герасима архіепископа сибирскаго и тобольскаго, на память своея души и своихъ родителей. Вѣсу 6 ф. 21 зол.; панагія однозолотая, съ вырѣзкою на ней: лѣта 7150 (1642 г.) мая въ 20 день смиренный Герасимъ, милостію Божіей архіепископъ сибирскій и тобольскій. Въ этой панагіи 132 разныхъ дорогихъ камней, въ числѣ ихъ 20 алмазовъ и одинъ изумрудъ» [1]).

Умеръ Герасимъ въ 1650 г. О его кончинѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: «16 іюля, во вторникъ въ восьмой часъ дня преставился въ Тобольскѣ преосвященный Герасимъ; а былъ на своемъ святительскомъ престолѣ въ Тобольскѣ несъѣздно 9 лѣтъ и полтретья мѣсяца. А погребеніе Герасиму было Симеономъ архіепископомъ Сибирскимъ и Тобольскимъ въ 1652 г. мая 13 дня» [2]).

---

[1]) Странникъ 1866 г. февр., стр. 61.

[2]) Др. Рос. Вивл., ч. III, стр. 178.

– 50 –